

№12

Декабрь 2012

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград. Группа ВТБ

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДZE
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДZE
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДZE
Гига ЛОРДКИПАНИДZE
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДZE
Гулбат ТОРАДZE
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДZE

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12⁽⁸⁶⁾
Декабрь 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПРЕДСТОЯТЕЛЬ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 8 СИМВОЛ МИРОТВОРЧЕСТВА
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 12 Я ТОЖЕ ХОЧУ В КИНО
АННА БЕЛОВА
- 15 САМЫЙ ТОЛЕРАНТНЫЙ ТЕАТР
НИНО ЦИТЛАНАДZE
- 16 ОНИ ЗАЩИЩАЛИ КАВКАЗ
ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ
- 18 НЕСРАВНЕННАЯ НОНА
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 22 СВОИМИ ГЛАЗАМИ
НАМИ МИКОЯН
- 28 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 33 СЕМИОТИКА ПО-ГРИБОЕДОВСКИ
НИНО ЦИТЛАНАДZE
- 36 А ВЫ ТРОЙНЫМ ЛЕТАТЬ МОГЛИ БЫ?
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 40 ОН ИЗ ДЖАЗА
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 42 В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ – ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 46 О КАИРСКИХ ДЕЛАХ И НЕ ТОЛЬКО
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 49 ЗАБОТА КАЖДОГО
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 50 «БУДУ ЖИТЬ ОЧЕНЬ ДОЛГО...»
- 52 ОГЛЯДЫВАЯСЬ С ЛЮБОВЬЮ...
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 54 СВЕТЯЩАЯСЯ ИЗ ПРОШЛОГО
АНДРЕЙ ЗИНЧУК

На обложке – Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия II

ОТ ДО

«ШАЛЯПИН РУССКОГО ФУТБОЛА, ГАГАРИН ШАЙБЫ НА РУСИ»

Так назвал его Евгений Евтушенко в своем знаменитом стихотворении. 1 декабря исполнилось бы 90 лет гениальному русскому спортсмену Всеволоду Боброву. Этот уникальный человек имел достижения высочайшего уровня сразу в двух видах спорта – в хоккее и в футболе. Он начинал играть в командах еще в те времена, когда спортсмены играли летом в футбол, а зимой – в хоккей, и при этом ухитрялись ежедневно работать на заводе, а по вечерам учиться в вечерних школах и институтах. Но на высший уровень он вышел только в 1944 году, когда стал футболистом основного состава в армейском клубе ЦДКА. В Европе Боброва узнали во время легендарного вояжа московского «Динамо», куда его ненадолго перевели, чтобы усилить состав. В той серии против великих английских клубов он забил шесть мячей из девятнадцати. В 1948 году он получил звание заслуженного мастера спорта СССР, выиграв к тому времени три чемпионата страны по футболу и один по хоккею. Всего в футбольных чемпионатах на его счету 97 мячей в 116 матчах.

Его называли счастливым, после того как его не оказалось в самолете, разбившемся 5 января 1950 г. со всей хоккейной командой ВВС, курируемой лично Василием Сталиным. Он тогда просто опоздал на самолет – жена приглушила будильник. Уже через неделю Всеволод Михайлович, назначенный сыном вождя играющим тренером,

собирал команду из дублирующего состава, прививал мальчишкам чемпионскую поступь и в итоге сделал из них настоящий боевой коллектив. По окончании спортивной карьеры Бобров стал тренером. Высшее его достижение с хоккейной сборной СССР – это первая суперсерия против канадских профессионалов. И до сих пор он остался «незапыленным» персонажем в истории спорта. Упоминание его имени по сию пору способно сплотить непримиримых противников – болельщиков ЦСКА и «Спартак».

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

140 лет назад, 3 декабря 1872 года сотрудник британского музея Джордж Смит выступил на заседании Лондонского общества Библейской археологии с сенсационным докладом. Он сообщил, что сумел расшифровать глиняную табличку с отрывком из шумерского эпоса, где описывается ни мало ни много, как Вселенский потоп. Это подтверждалось мнениями английских геологов 19 века, которые вели раскопки в Месопотамии и обнаружили повсеместно слой глины с частицами водорослей, указывающими на большое наводнение. Так впервые было получено доказательство историчности библейских сказаний.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА... И ДОКТОРА ВАТSONA

Ровно 125 лет, а именно, 1 декабря 1887 года из лондонской типографии вышла книга под названием «Этюд в багровых тонах», где впервые на сцене мировой литературы появляется мистер Шерлок Холмс. Этот день считается официальным днем рождения этого литературного персонажа. Автором, как известно, был доктор Артур Конан Дойл. Неудавшийся судебный врач, он решил остаться на берегу после завершения недолгой морской карьеры, когда сгорел корабль, на котором он ходил в море. На собственную практику он еще не заработал, приходилось работать в морском госпитале, подрабатывая написанием рассказов детективного содержания. Тогда еще только детективного, поскольку всего около семи лет до того он впервые прочитал детективные произведения Эдгара По и безоглядно влюбился в этот жанр. Поначалу

«Этюд в багровых тонах» назывался «Запутанный клубок», а главными героями были Шеридан Хоп и Ормонд Секкер. Шеридан Хоп был сыщиком, наделенным исключительным талантом к дедуктивному методу, подобно доктору Джозефу Беллу, преподавателю университета, в котором учился писатель. Секкера Артур впоследствии заменил доктором Ватсоном в честь своего друга, тоже врача Джима Ватсона. А Хоп превратился в Шеррингфорда Холмса. Но чтобы не ломать язык, Конан Дойл дал сыщику ирландское имя – Шерлок.

Сказать по чести, роман тогда никто не заметил – ни критики, ни читатели. Исключение составил только один энергичный американский издатель, заказавший писателю-любителю следующую повесть – «Знак четырех». И эту повесть тоже не заметили. Положение спасла безработица – доктор Дойл перебрался в Лондон в поисках лучшей доли. Но пациентов не было и там, а было много свободного времени. Он начал писать по рассказу в месяц, печатая их за скромное вознаграждение в разных журналах. Когда рассказов набралось больше дюжины и читатели оценили их по достоинству, издатели решились на публикацию сборника. Но как раз тут-то у Дойла и появилась врачебная практика, и писать дальше ему расхотелось. Он решил попросту убить своего героя. В первый раз за Шерлока заступилась мама Артура – она очень полюбила его. Автор не успокоился и через какое-то время совершил вторую попытку – он заломил почти немыслимую цену за свои рассказы, чтобы вынудить издателей отказаться. Те, вероятно, про себя, называя его жлобом, все-таки пошли на все условия. Тогда доктор со своей женой отправился в поездку сначала в Швейцарию, а потом в Египет, по дороге найдя в Альпах подходящее местечко для того, чтобы разделаться со своим персонажем. Но по возвращении и после публикации «Последнего дела Холмса» его ждал самый настоящий скандал, который затятили и читатели, и издатели, и критики и... мама. Пришлось Холмса оживлять. Кстати, «Собаку Баскервиль» он пытался писать не про Холмса – не прошло.

СОЗДАТЕЛЬ НЕЕВКЛИДОВОЙ ГЕОМЕТРИИ

1 декабря 1792 года, 220 лет назад, родился великий русский математик Николай Лобачевский, создатель неевклидовой геометрии. Этот гений прожил жизнь типичного русского провинциального интеллигента. Он не искал счастья и чинов в столицах, а предпочел скромную

Казань, где был вначале профессором, а потом и ректором тамошнего известного университета. Признанный при жизни, он, тем не менее, отказался от почестей и столичной кафедры, оставшись со своими учениками. Он сорок лет проработал в уни-

верситете, и круг его обязанностей был необычайно широк. Он читал лекции по физике, математике и астрономии, занимался университетской библиотекой и музеем, заведовал физическим кабинетом и создал обсерваторию. Первым наброском новой теории стал доклад Лобачевского «Сжатое изложение начал геометрии», сделанный 23 февраля 1826 года. Этот день и принято считать днем рождения неевклидовой геометрии.

ПЕРВАЯ ПЕРЕСАДКА СЕРДЦА

40 лет назад в южноафриканском городе Кейптауне произошло историческое событие. Впервые в истории медицины была осуществлена пересадка сердца. Хирург Кристиан Барнард пересадил пациенту Луи Вашканскому сердце только что погибшей в автокатастрофе молодой женщины. Тот прожил с ним 18 дней. Эта операция доказала

возможность трансплантации важнейшего человеческого органа. Кристиан Барнард был удостоен множества международных наград и получил всемирную славу. Еще неоднократно он совершал

операции по пересадке органов, в том числе и сердца, ибо был незаурядным хирургом. А еще он был выдающейся личностью – незаурядным писателем, красивым мужчиной, которого обожали кра-

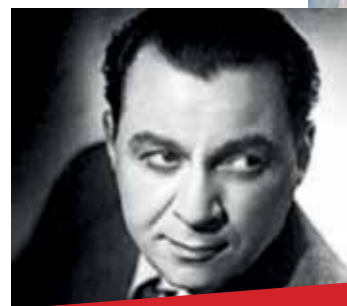
савицы-кинозвезды и общественно-политическим деятелем, выступавшим против апартеида. Он был благородным и благодарным человеком. Прочитав опубликованную в Америке в 1960 г. научную работу советского хирурга Владимира Денихова о пересадке жизненно важных органов, он дважды приезжал к нему в лабораторию в 1960 и 1963 гг. А сразу после успешной операции по пересадке сердца позвонил ему через полмира. А потом и вовсе приехал в Москву, где был удостоен почестей, подобно главе государства. Оглядев встречающих его чиновников, он сказал: «Что-то я не вижу здесь моего учителя, господина Демихова». Те переглянулись и быстро нашлись – доктор Демихов, мол, очень занят своей работой и не может приехать. «Ничего, - нахально заявила мировая знаменитость, - я его сам найду». И отправился на такси в больницу Склифосовского, где в полутемном подвале поднял со своим учителем стопку неразведенного спирта, отметив свой триумф.

ЛЮБИМЫЙ АВТОР РУССКИХ ВУНДЕРКИНДОВ

4 декабря 1882 года, 130 лет назад, родился знаменитый научно-популярный журналист Яков Исидорович Перельман. Он был настоящим сыном счетовода и учительницы – всегда интересовался точными науками и всю жизнь учил других. Это был один из лучших писателей-популяризаторов. В СССР он издавался более пятисот раз общим тиражом в 15 миллионов экземпляров. Самые известные его книги носили схожие названия – «Занимательная...», а дальше шли «астрономия», «физика», «алгебра», «механика» и т.д. На этих книгах выросло не одно поколение умных советских мальчиков и девочек. Там в доступной форме излагались сложные научные понятия и развенчивались общепринятые заблуждения. В 1934 году он встретился со знаменитым писателем-

фантастом Гербертом Уэллсом и тот недовольно проворчал: «А, это тот человек, который доказал, что мой «Человек-невидимка» был бы слеп, как котенок». В войну Яков Исидорович не уехал из осажденного Ленинграда и умер от голода.

НЕИЗМЕННЫЙ СТАЛИН

25 декабря 1892 года, 120 лет назад, родился прекрасный грузинский актер Михаил Георгиевич Геловани, вошедший в историю советского кинематографа как бессменный исполнитель роли великого вождя – товарища Сталина. Между прочим, происхождение у него для этого было самое неподходящее – был родом из лечхумских князей. Начиная он еще до революции как актер профессиональной труппы кутаисского театра, потом служил в разных театрах и продолжил в тбилисском театре имени Шота Руставели. Но в итоге, нашел себя в кино. Впервые он сыграл роль Сталина в 1937 году, сначала – в театре. Это обеспечило ему неплохую карьеру в дальнейшем, но и существенно сузило диапазон ролей. Потому что актер, исполняющий роль вождя, не имел права играть отрицательных персонажей. О Геловани существует много забавных историй, некоторые из которых с удовольствием рассказывал он сам. Например, однажды режиссер Михаил Чиаурели расхваливал товарищу Сталину актера Геловани – очень, мол, талантливый актер, очень старается проникнуться образом и даже готов прожить жизнь вождя, чтобы лучше прочувствовать. На что Сталин сказал: «Любопытное желание. Если уж очень хочет, могу помочь. Может, он начнет с Туруханской ссылки?» Впрочем, до этого дело не дошло. А напротив, Михаил Георгиевич стал четырехкратным обладателем Сталинской премии первой степени, орденосцем и первым артистом СССР.

Роб АВАДЯЕВ

Фото Левана Горгиджанидзе

ПРЕДСТОЯТЕЛЬ

Я не однажды выражал свое глубочайшее почтение и любовь к патриарху Грузии, Святейшему и Блаженнейшему Илие II. Мы должны благодарить Господа Бога за то, что в одну из тяжелейших эпох нашей истории Он явил Грузии такого мудрого, просвещенного, наделенного добрым и чутким сердцем духовного пастыря. Он вполне заслуживает тех слов, которыми замечательный грузинский писатель Георгий Мерчуле охарактеризовал его предшественника, легендарного Григола Хандзтэли, «человек небес и ангел на Земле».

Очень мало встречал я людей, у которых была бы такая добрая, лучезарная улыбка.

Если бы мы больше прислушивались к его мудрым проповедям и советам, к разумным призывам, мы смогли бы избежать многих неприятностей и опасностей. Когда в апреле 1989 года патриарху сообщили, что для разгона митингующих перед Домом правительства направлены спецназ и танки, он сделал все, чтобы отворотить трагедию. Он не раздумывая поспешил на проспект Руставели и призвал народ в храм Кашвети на молитву, но амбициозные лидеры митингующих провели свой план и очутились лицом к лицу с беспощадной силой. Огромный митинг был разогнан, от ударов наточенных лопат погибло много людей, в том числе молодежь. Многие были ранены, большое количество

людей отравлено газом. Грузия получила тяжелую физическую и моральную травму. Патриарху ничего более не оставалось кроме как отслужить в Сионском соборе панихиду по погибшим.

Католикос-Патриарх Всея Грузии всегда имел дружеские отношения с писателями. Особенно в трудные времена он заботился о них, принимал близко к сердцу их трудности, старался сгладить и уладить расхождения и возникавшие между ними конфликты. Помню, как однажды Нодар Думбадзе, вернувшись после визита к патриарху, сказал: «Меня потрясают масштабы знания этого человека, широта и глубина его интересов. Ведь кроме теологии, философии, литературы, трудов отцов церкви, он разбирается в целом ряде наук, знает новейшие достижения биологии и медицины, может беседовать как профессионал о сложнейших проблемах генетики».

Мне хорошо известно, сколь высокого мнения о католикосе мой старший друг, патриарх нашей современной литературы Чабуа Амирэджиби, которого именно светлая личность Илие II вдохновила и подвигнула переступить высший духовный шаг – будучи в почтенном возрасте, за восемьдесят лет от роду, Чабуа постригся в монахи, приняв имя Давида.

Замечательный поэт и романист Фридон Халваши

всегда гордился тем, что он крестник Его Святейшества, с которым его связывала долгая дружба.

Королева грузинской современной поэзии Анна Каландадзе считала патриарха подлинным спасителем Грузии и стражем ее добронравия и чести.

Подобных примеров можно перечислить множество, но и этого достаточно, чтобы оценить, сколь достойного духовного пастыря обрела Грузия и сколь необходима ее народу такая личность в нелегкой борьбе с эпохальными бурями.

Патриарх – помощник и защитник любого, кто к нему обращается. Никогда не забыть мне сияющее радостью и благодарностью лицо всемирно известного Пааты Бурчуладзе, когда он, на одном из праздничных вечеров, стоя на сцене перед множеством зрителей рассказывал о том, как спасли его попавшего в беду сына молитва патриарха и его слова, даровавшие надежду. Тот день, когда маэстро вернулся домой и увидел, что сын возвращается к жизни, стал самым счастливым днем в его жизни.

Я тому свидетель и очевидец, как мой друг, сын известного писателя, сам известный ученый, будучи тяжелобольным, когда трудно было передвигаться из-за проблем с дыханием, минувшей весной в сопровождении близких отправился к патриарху, который его благословил, беседовал с ним, ободрил и обнадежил, сказав, что вскоре он почувствует улучшение. Через некоторое время после того я навестил моего друга и к своей радости нашел его почти здоровым и в прекрасном настроении. Он сообщил, что уже продолжает работать, самочувствие его и состояние много лучше. И я еще раз убедился в том, сколь сильно и благостно слово патриарха.

На протяжении десятилетий Илия II служил и ныне служит народу образцом стойкости и духовной силы. Он шлифовал характер народа, самоотверженно вошел в труднейшие пути испытаний, никогда не отступал и не уходил перед лицом больших опасностей, в самые трагические минуты сохранял твердость, душевное равновесие и уверенность. И никто не сомневается: велика его заслуга в том, что сегодня в Грузии утверждается справедливость.

Не раз мы оказывались свидетелями того, как правительство совершало ошибки, порой имевшие серьезные последствия для страны. И патриарх с присущими ему тактом и деликатностью напоминал главам правительства, что при принятии важных решений следует быть более осторожными и осмотрительными. Об этом предостережении, вероятно, нужно помнить и в дальнейшем.

Патриарх хорошо осведомлен и о неблагоприятном демографическом положении нашего народа, о сокращении рождаемости. Чтобы справиться с этой бедой, он крестит каждого третьего ребенка в семье, что является большим стимулом для верующих.

Выпускник Киевской духовной академии, он прекрасно владеет русским языком, хорошо знает латинский и немецкий языки, много сделал и делает для установления тесных культурных связей между Грузией и зарубежными странами, чтобы Грузия не осталась в изоляции.

Ежедневно наш патриарх возносит молитвы ко Всевышнему во спасение нашей родины, за установление мира и взаимопонимания. Его рождественские эпистолы – образец неустанной заботы о настоящем и будущем страны. Одна из них – это поистине гимн грузинскому языку, одному из древнейших в мире, который сегодня испытывает жесткое и грубое давление в условиях глобализации, что является несомненной опасностью для его развития и существования.

Особо следует отметить, что Патриарх Грузии – личность не только незаурядная, но и наделенная многими талантами. Он освоил сложное искусство вааяния, и яв-

ляется автором многих скульптурных работ; ему подвластны кисть художника, ему принадлежит множество живописных полотен; он является композитором, его на редкость мелодичные псалмы с успехом исполняются на престижных благотворительных концертах.

Всем нам хорошо известно, какие беды принесло отрицание христианства и веры как таковой, гонения, тотальное разрушение храмов, соборов и церквей, антирелигиозная пропаганда.

Ныне Православная Церковь Грузии вместе с единой церковью России делает все возможное для того, чтобы религия заняла полагающееся ей место.

Патриарх неустанно проповедует важнейшую заповедь Христа – любовь. Подобно Франциску Ассизскому, он любит каждое живое существо, животных, растения, ибо все они созданы Господом Богом, и заботник всех их – человек. Поэтому с большой любовью пожелаем патриарху осуществления его заветных желаний и долгой здоровой жизни.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевод **Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ**

Ваше Святейшество!

Католикос-Патриарх Всея Грузинской Православной Церкви, великий сын отечества и человек, которого никто никогда не видел бездеятельным, славный батона Илия, почтительно и от всего сердца поздравляю Вас с двумя знаменательными датами Вашей самоотверженной жизни – 35-летием интронизации и 80-летием со дня рождения.

Желаю всяческих побед лично Вам, нашей церкви и народу Грузии, главным условием благоденствия которых считаю христианство и Ваше непоколебимое служение.

Ваш покорный слуга

Чабуа Амирэджиби – монах Давид

Тбилиси, декабрь 2012 г.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» поздравляет Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илию II с премией Международного Фонда единства православных народов «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов. За утверждение и продвижение христианских ценностей в жизни общества» имени Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II за 2012 год.

СИМВОЛ МИРОТВОРЧЕСТВА

▲ Здание Двенадцати коллегий СПбГУ

Еще в конце 2011 года Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» выступил с идеей проведения научно-культурного форума «Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге» - городе, где духовный отец современного грузинского общества получил юридическое образование и создал блистательные образцы лирики и прозы. К проекту, посвященному 175-летию со дня рождения великого писателя и общественного деятеля, причисленного Грузинской Православной Церковью к лику святых, подключились российский Фонд «Русский мир», оказавший полную финансовую поддержку, администрация Президента РФ, власти Санкт-Петербурга, руководство Санкт-Петербургского государственного университета и Театральной академии города на Неве, грузинское землячество. Совместные усилия принесли достойные плоды – Неделя Ильи Чавчавадзе получилась необычайно насыщенной как событиями, так и эмоциями.

Для участия в форуме в Санкт-Петербург прибыла представительная делегация из Тбилиси и Москвы, в состав которой вошли известные грузинские ученые, писатели, деятели искусства. В честь этого события в Здании Двенадцати коллегий Санкт-Петербургского государственного университета были открыты двери легендарного Петровского зала, где прошла научная

часть форума.

Торжественное открытие «Дней» ознаменовалось двумя знаковыми приветствиями – от Президента России Владимира Путина и Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II, их зачитали специальный представитель главы РФ по международному культурному сотрудничеству, посол по особым поручениям Михаил Швыдкой и архимандрит Вахтанг (Липартелиани), священнослужитель московского Храма святого великомученика Георгия Победоносца.

М.Швыдкой подчеркнул, что «мы, в силу понятных причин, находимся в плену политической конъюнктуры, и, исходя из этого, следим за всеми нюансами во взаимоотношениях Грузии и России. Конечно же, не осталось незамеченным, что действительно впервые за долгие годы президент России направил приветствие российско-грузинскому форуму и отметил роль народов в сохранении наших отношений, роль выдающегося деятеля Ильи Григорьевича Чавчавадзе. Я думаю, это весьма существенный добрый знак, который считаю важным сигналом нашим грузинским партнерам, товарищам и коллегам. Святой Илья Праведный-Чавчавадзе символизирует самое драгоценное, что связывает наши народы, и это драгоценное – наша духовность, которая не только должна быть сохранена,

но и приумножена...»

Сразу после этого состоялось торжественное вручение иконы святого Ильи Праведного Храму святых первоверховных апостолов Петра и Павла в здании Двенадцати коллегий. Икона была написана и передана в дар по благословию Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II. Ее автор, молодой художник Георгий Кухалашвили, прибыл в северную столицу в составе грузинской делегации с персональной выставкой.

На церемонии открытия прозвучали и слова приветствия от губернатора Санкт-Петербурга Георгия Полтавченко. Их огласил Борис Илларионов, и.о. председателя Комитета по культуре.

Николай Свентицкий, президент МКПС «Русский клуб», в своем приветственном слове отметил: «Мы возлагаем большие надежды на «Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге». Верим, что форум может стать настоящим культурным прорывом, а фигура святого Ильи Праведного является символом миротворчества. Пользуясь тем, что в зале присутствуют представители администрации города, предлагаю наш с вами замечательный почин продолжить самым достойным образом и назвать одну из улиц Санкт-Петербурга именем Святого Ильи Праведного».

На протяжении десяти лет в дни чествования Ильи

▲ На открытии форума

Чавчавадзе в Грузии вручается награда «Премия Ильи». В этом году впервые была вручена Большая золотая медаль Ильи. Первую такую медаль получил премьер-министр Грузии Бидзина Иванишвили. Вторую – университет Санкт-Петербурга. Директор Государственного дома-музея Ильи Чавчавадзе в Сагурамо Андрио Бедукадзе передал награду и.о. ректора СПбГУ Игорю Горлинскому. «Это огромная честь для нас. Наш университет всегда был, есть и будет сторонником и активным участником научных, культурных и просто человеческих связей с грузинскими коллегами и друзьями, в том числе и благодаря памяти этого великого человека», - отметил И.Горлинский.

Кстати сказать, тон торжественному открытию форума был задан совершенно неожиданным образом. Разволнованная юная девчушка, исполнявшая «Чемо карго квекана», подзабыла слова и сбилась, и тогда весь зал, под предводительством руководителя грузинского ансамбля песни и танца в Петербурге Ираклия Русия, дружно и складно подхватил бессмертные строки песни на слова Ильи.

Доклады, прозвучавшие в течение двухдневной научной сессии, отличались тематическим многообразием, глубиной и гибкостью научной мысли.

Академик Национальной Академии наук Грузии, председатель Национального комитета историков Грузии Роин Метревели рассказал о выдающихся картвелологах,

работавших в системе образования Санкт-Петербурга, о первом среди грузин выпускнике Петербургского университета, выдающемся ученом и публицисте Соломоне Додашвили, первом грузинском академике – царице Теймуразе Багратиони, выдающемся картвелологе, французском ученом Мари Броссе и их последователях.

Другой маститый ученый, доктор филологических наук Элгуджа Хинтибидзе сообщил о следе «Витязя в барсовой шкуре» в европейской культуре. По его словам, сюжет поэмы был использован в английской драматургии начала XVII века, в частности, в двух пьесах Френсиса Бомонта и Джона Флетчера. Докладчик выдвинул гипотезу, что поэма «Витязь в барсовой шкуре» стала известна английским драматургам тех времен благодаря выдвигавшим при персидском дворе – крупным государственным деятелям грузинского происхождения, поддерживавшим связи с английскими дипломатами-путешественниками, экспедицию которых возглавлял известный государственный деятель Энтони Шерли.

Выступление выпускника ТГУ, а ныне доктора философии, академика РАЕН, члена Союза писателей России Валентина Никитина имело и прикладное значение. Вот его фрагмент: «25 лет прошло с тех пор, как Синод Грузинской церкви постановил: «За великий подвиг ради народа и Церкви признать Илью Чавчавадзе святым и наименовать его святым Илией Праведным». К глубокому сожалению, имя Ильи Праведного до сих пор не внесено в святцы Русской Православной церкви, хотя канонические препятствия для этого отсутствуют. Тех трещин, которые пролегли между нашими государствами, нет между нашими Церквями. И мы вправе поставить перед священноначалием Русской церкви этот вопрос. Включение имени Ильи Праведного в святцы Русской церкви для всенародного почитания даст хороший импульс не только взаимному сближению единовременных Церквей, но и сближению наших народов, оказавшихся в зоне отчуждения по вине недалководидных политиков».

▲ Участники форума

▲ Торжественный молебен в честь св. Ильи Праведного

▲ Круглый стол в Союзе писателей СПб

▲ Встреча с Темуром Чхеидзе

В роли докладчиков выступили профессора, доктора и кандидаты наук двух университетов – Мария Филина, Нинэль Олесич, Мака Элбакидзе, Тамара Шарабидзе, Ирма Ратиани, Георгий Жужунашвили, Владимир Саришвили, Генрико Харатишвили, Лиана Башелеишвили, Ия Вашакидзе, Давид Гоциридзе, а также молодые ученые Диана Кикнадзе и Ника Накаидзе.

Важнейшим событием «Дней» стал торжественный молебен в честь Святого Ильи Праведного в Церкви Шестаковской иконы Божией Матери Грузинского прихода. История этого прихода в городе на Неве началась 14/27 января 1917 года в праздник Святой Равноапостольной Нино – просветительницы Грузии. А сама церковь была восстановлена в наши дни усилиями президента Грузинской автономии Санкт-Петербурга Бадри Какабадзе.

Молебен в честь Святого Ильи Праведного отслужил vikarий митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, епископ Мстислав (Дячина). В своей проповеди епископ Мстислав отметил, что каждый народ имеет своих угодников. Их заступничество поддерживает каждого из нас на протяжении всего земного пути. Епископ вознес молитву о духовном воссоединении грузинского и русского народов, о примирении государств через молитву. Примечательно, что молебен шел на церковнославянском и грузинском языках, а по его окончании все присутствующие дружно спели «Мравалжамиер» («Многая лета»).

Настоящий восторг испытали участники форума в Санкт-Петербургской филармонии на концерте народной артистки СССР Нани Брегдадзе и вокального эстрадного ансамбля «Грузинские голоса». Это был триумф грузинского духа и исполнительского мастерства. Не меньшее потрясение вызвала и публика: и стар, и млад, и женщины, и мужчины, не стыдясь слез, внимали нашим «Тбилисо», «Цицинатела», романсам в исполнении несравненной Нани, а сложнейшее семиголосье вызвало просто бурю оваций... «Можно запретить «Боржоми», но нельзя воспрепятствовать взаимодействию культур», - выразила

общее настроение зала известная балерина Ирма Ниорадзе.

На встрече с творческой молодежью в Санкт-Петербургской государственной театральной академии художественный руководитель Театра им. А.С. Грибоедова, профессор Грузинского госуниверситета театра и кино Автандил Варсимашвили представил доклад «Илья Чавчавадзе и театр», доцент Московского госуниверситета культуры и искусств, заслуженный деятель искусств Грузии Гурам Абесадзе говорил на тему «Отцы и дети в грузинской общественной мысли». Вера Церетели, театровед, рассказала о наследии Ильи Чавчавадзе в грузинском театре и кино. По окончании встречи А.Варсимашвили отметил: «Самое главное, мы договорились о сотрудничестве. Есть обоюдное желание, чтобы наши университеты театра и кино подружились. Во времена Товстоногова такая связь была. Потом она прервалась. Я предложил ректору питерской театральной академии, и он это подхватил с удовольствием, эту связь восстановить. Мы начнем обмен студенческими спектаклями. Кроме того, мы могли бы проводить мастер-классы по режиссуре и актерскому мастерству, а российские коллеги – по сценической речи, это особенно важно для русской группы театра Грибоедова».

Из других событий замечательной недели отметим прошедшую в Доме актера имени К.С. Станиславского творческую встречу со знаменитым грузинским режиссером, художественным руководителем Большого драматического театра (БДТ) имени Г.А. Товстоногова, народным артистом Грузии и России Темуром Чхеидзе. Немало интересного рассказал наш прославленный земляк, в частности, об одном из последних спектаклей великой Верико Анджапаридзе, которая призналась ему: «Как мне сегодня не повезло! Я думала, что удасться умереть на сцене...» Затем участники и гости форума побывали на спектакле БДТ «Дядюшкин сон» в постановке Т.Чхеидзе, где главные роли исполнили культовые

▲ На открытии выставки Г.Кухалашвили

▲ Поют «Грузинские голоса»

▲ Открытый урок в 122 школе

▲ У могилы Г.А. Товстоногова

мастера сцены Олег Басилашвили и Алиса Фрейдлих. Открытие персональной выставки Георгия Кухалашвили состоялось в престижной картинной галерее «Греми» на Английской набережной. Владельцы галереи – супруги Хатуна Какава и Дмитрий Беркутов – выступили в роли радушных хозяев. Именно здесь ведущий театральный художник России и старинный друг Грузии Эдуард Кочергин, произнес замечательные слова: «Я десять лет не видел грузинской живописи. И отраднo отметить, что сохранена школа, а это – самое главное и ценное. Хочу поздравить молодого мастера, в его линиях есть лирика, напоминающая ваши песни, та музыкальность, которую аккумулирует Гия Канчели... И еще я хочу сказать – не лишайте меня общения с друзьями, с дорогими мне людьми – это грех...»

В средней общеобразовательной школе №122 открытый урок о жизни и творчестве Ильи Чавчавадзе провели профессор ТГУ Мария Филина и директор Дома-музея Ильи Чавчавадзе Андро Бедукадзе. А в Союзе писателей Санкт-Петербурга прошел творческий диалог о поэзии и художественном переводе с участием представителей грузинской делегации и литераторов Санкт-Петербурга. Были презентованы юбилейные издания Союза «Русский клуб»: книга произведений Ильи Чавчавадзе для детей и юношества «Рождественский подарок» и набор открыток «Исполнил свой великий долг». Участники встречи обменялись новыми книгами и договорились представить на переводы лучшие произведения. Разговор шел и о том, чтобы всем миром подумать о восстановлении тбилисской Коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям, которая была мощным источником творческой энергии для литераторов всех республик бывшего СССР, а особенно – России и Грузии.

Принадлежит к поколению шестидесятников-«тергдалеулеби» («испивших из Терека»), Илья Чавчавадзе всю жизнь воздавал России дань доброй памяти и благодарности. Студенческая пора в городе на Неве

имела решающее значение в формировании нравственного идеала поэта. Ни один из выдающихся деятелей грузинской культуры прошлого века не знал Россию так хорошо, как Илья Чавчавадзе. Именно поэтом он не только возглавил национально-освободительное движение своего народа, но и стремился привить грузинскому народу чувство глубокого уважения к великой и свободлюбивой русской культуре, с глубокой признательностью говорил о ее благотворном влиянии: «Нет среди нас ни одного общественного и литературного деятеля, не носящего на себе следов воздействия русской литературы. И не удивительно: русская школа, русская наука открыли нам врата просвещения...»

Ближе к концу нашего рассказа уместно было бы вспомнить слова одного из участников форума о том, что те или иные политические режимы рушатся как декорации, а связи между народами остаются. Духовные связи между единоверными народами подобны мощным океанским течениям, имеющим колоссальную энергию и огромную инерцию. Именно эти связи являются залогом хороших межгосударственных отношений, так как не подвержены влиянию политической конъюнктуры.

Завершить повествование хотелось бы стихами духовного светоча грузинского народа – великого Ильи:

*Возлюби!
Мне в день рождения
Было с неба откровенье.
И куда б стезей земною
Я не шел по гребням лет,
Это слово под луною
Излучало предо мною
Путеводный, звездный свет.
Рад поэтому призвать я:
- Возлюби!
Все люди братья!*

Владимир САРИШВИЛИ

Я ТОЖЕ ХОЧУ В КИНО

▲ На открытии кинофестиваля

«Нет большего зла, чем доброе кино!» - считает режиссер Кирилл Серебренников. Эти слова можно считать эпиграфом к третьему по счету Фестивалю российского кино и других стран СНГ, организованному Международным фондом искусств и межкультурного диалога (Тбилиси) и продюсерским центром «Кинопроцесс» (Москва) при поддержке Министерства культуры РФ и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС). Среди представленных картин не было ни одной «доброй», если под этим подразумевать фальшивое кино, приукрашивающее реальность. Потому что жизнь, отраженная в художественных образах, сурова и подчас страшна. Показывая реальность такой, какая она есть, создатели этих картин утверждают вечные ценности – добро, любовь, сострадание...

Необычайное оживление царило в кинотеатре «Руставели» в фестивальные дни. Это не удивляет, учитывая качество представленных картин и имена гостей: Вадим Абдрашитов, Алексей Балабанов, Александр Прошкин, Ираклий Квирикадзе, Алла Сурикова, Никита Высоцкий, Александр Лазарев-младший, Анна и Надежда Михалковы, Резо Гигинеишвили, Василий Сигарев...

Тбилисцы посмотрели тридцать лучших картин, снятых российскими кинематографистами за последние годы. Они были представлены под рубриками «Большой экран», «Фестивальный мейнстрим», «Режиссеры 2000-х», «Киносоюз», «Документальный экран», а также «Кино с акцентом» - программа, отражающая тему грузино-российских культурных и человеческих связей.

Открыла фестиваль масштабная картина «Орда» Андрея Прошкина (продолжатель известной кинодина-

стии). Действие картины происходит в Золотой Орде, в XIV веке. Фильм снят в стилистике авантюрного эпоса, с потрясающей фантазией оператора Юрия Райского и художника Сергея Февралева и выразительной звуковой стихией композитора Алексея Айги.

Открытием для многих стал блестящий актер Максим Суханов. Он сыграл в фильме митрополита Алексея, прошедшего через невыносимые страдания, проявившего невероятную силу духа в плену у ордынцев. Суханов предстал еще в одной фестивальной ленте – постмодернистской картине «Борис Годунов» Владимира Мирзоева.

Эта картина стала одним из наиболее ярких событий фестиваля. Режиссер актуализировал пушкинскую трагедию – перенес ее в современные реалии. В итоге на «стыке» эпох по-иному заиграли смыслы. Мирзоев разыграл «Бориса Годунова» в театральном интервьюере, соединив эстетику кино с искусством сцены, с крупными планами и прямыми «включениями» театрального представления в структуру фильма.

Чего стоит хотя бы знаменитый монолог Бориса, который начинается словами «Достиг я высшей власти»... Герой в глубоком прочтении Суханова обращает свои слова к убиенному царевичу Дмитрию, который стал неотъемлемой частью его внутреннего кошмара. В исполнении актера Борис Годунов – недюжинная личность, мучимая страхами и угрызениями совести. Это – узурпатор власти вне времени, чем-то даже напоминающий шекспировского Клавдия. В то же время Годунов в фильме Мирзоева – наш современник, запятнавший свое доброе имя. Да и остальные персонажи картины (в первую очередь авантюрист Лжедмитрий в остром исполнении Андрея Мерзликина) напо-

минают нам день сегодняшний и заставляют, как это ни странно, задуматься о будущем, куда мы идем.

Произвела сильное впечатление картина Кирилла Серебренникова «Измена» - типичный пример европейской эстетики, которой свойственна особая магия и изысканность. История неоднозначных взаимоотношений героев напомнила сюжеты столь любимых нами французских фильмов. То же самое можно сказать и о стилистике «Измены». Вообще этот фильм киноведы считают вершиной режиссерского мастерства Кирилла Серебренникова, больше известного в качестве режиссера театра. Интересно, что в «Измене» снялись актеры из разных стран. В главных ролях этого «фильма-катастрофы» (так называет свою работу режиссер) предстали актеры из разных стран: немка Франциска Петри, македонец Деян Лилич, россияне Андрей Щенников, Альбина Джанабаева (солистка группы «ВИА-гра») и латышка Гуна Зарина.

Немалый ажиотаж вызвал фильм «Высоцкий. Спасибо, что живой» в постановке Петра Буслова. Фильм создан по канонам американского кино. Всеми любимый поэт и актер вырастает до размеров мифологического персонажа, героя легенды. «Супермен» Высоцкий, владеющий умами и сердцами тысяч людей, побеждает смерть. Это произошло на самом деле во время гастролей артиста в Ташкенте. Чудо воскресения Владимира Семеновича, какое-то время находившегося «по ту сторону», потрясает до глубины души. Картину представил директор Государственного центра-музея и Благотворительного Фонда В.С. Высоцкого Никита Высоцкий.

В стилистике картины «Duxless» молодого режиссе-

▼ «Бульварное кольцо»

▼ «Искупление»

ра Романа Прыгунова (сын «того самого» Льва Прыгунова) тоже ощущается влияние эстетики американского кино. Хотя фильм, снятый по мотивам книги Сергея Минаева, отражает современные российские реалии. Огромный мегаполис, в котором мир потребления нивелирует духовные ценности, разрушает отношения между людьми, уничтожает личность. Молодой топ-менеджер крупного международного банка Макс (его играет обаятельный Данила Козловский, обладающий поистине голливудской улыбкой), достигший, по обычательским меркам, сверхблагополучия, в одночасье теряет все и оказывается в буквальном смысле на помойке... Пройдя это своеобразное чистилище, герой словно воскресает из мертвых. Надо сказать, фильм оказался намного жестче книги.

Настоящим потрясением стало артхаусное кино Василия Сигарева под названием «Жить». В ней рассказывается о тяжелых переживаниях, связанных с трагическим уходом самых близких людей, - в фильме показаны три душераздирающие истории: женщина теряет детей - они погибают в аварии; другая остается без мужа - его насмерть забивают какие-то отморозки; у мальчика умирает отец... После просмотра многие задавались вопросом: «А нужно ли нам такое депрессивное кино, не оставляющее никакой надежды, заставляющее усомниться в том, что жизнь имеет хоть какой-то смысл?» Мнения разделились. Одно признавали все: этот фильм о смерти поражает в самое сердце каждого зрителя и заставляет вспомнить, вспомнить в подробностях собственные потери... В финале картины брезжит новый день, и мы видим высокие деревья с птичьими гнездами. Жизнь продолжается, но почему-

▼ «Кококо»

▼ «Кочегар»

▲ Организаторы и гости кинофестиваля

то светлее на сердце не становится.

Фильм «Я тоже хочу» Алексея Балабанова затрагивает ту же тему – тему смерти. Ретроспектива фильмов этого мастера, одного из наиболее загадочных, эпатажных и обсуждаемых режиссеров российского кино, вызвала на фестивале большой интерес. Да и сам Алексей Балабанов был буквально покорен Тбилиси и тбилисцами.

Зрители увидели нашу мейвшую картину режиссера «Груз 200», черную комедию «Жмурки», криминальную драму «Кочегар» и последнюю работу мастера «Я тоже хочу», показанную в сентябре на Венецианском кинофестивале.

Каждый видит в работах Алексея Балабанова что-то свое. Неоднозначно воспринимается и фильм «Я тоже хочу». Сюжет необычен: пять человек отправляются к мистической Колокольне Счастья, которая, как говорят, находится где-то между Санкт-Петербургом и Угличем, рядом с уже давно неработающей атомной электростанцией. Музыкант, бандит с другом Матвеем и его престарелым отцом, а также проститутка пытаются отыскать это загадочное место и обрести счастье. Но Колокольня «забирает» не всех, хотя каждый верит, что будет выбран именно он. В финале все мертвы, и рассказанная история воспринимается как путешествие к смерти... Едут герои за счастьем, а обретают смерть!

«Магнитные бури» – так называется картина мэтра российского кино Вадима Абдрашитова, показанная на фестивале. В основе, как обычно, - сценарий Александра Миндадзе. Создатели фильма осмысливают важные события жизни с точки зрения социальной философии. Это картина о том, как толстосумы делят огромный завод «руками» простых работяг, как социум убивает любовь, разрушает связи между людьми, делает их «колесиками» и «винтиками» какого-то огромного бездушного механизма. Здесь отражаются реальные катаклизмы эпохи больших перемен, разрушившей многие человеческие судьбы. Главную роль в «Магнитных бурях» сыграл популярный сегодня «глухарь» Максим Аверин.

На фестивале демонстрировали и так называемое «народное» кино. К нему относится фильм «Бульварное кольцо» в постановке Дмитрия Барщевского, в котором снялся наш соотечественник актер Ника Тавадзе. Еще один наш земляк Резо Гигинеишвили, зять Никиты Михалкова, привез красивую романтическую комедию «Любовь с акцентом».

В рамках фестиваля был отмечен 100-летний юбилей первого в мире полнометражного документального фильма «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми» Василия Амашукели.

Ирина Изволова с картиной «Тарковские. Осколки зеркала» была представлена в рубрике «Документальный экран».

Трагикомедия «Кококо» в постановке Авдотьи Смирновой завершила фестиваль. Это ироничная, тонкая картина о непонимании между интеллигенцией и так называемым «народом». В одной из главных ролей – Анна Михалкова, которой на фестивале был вручен приз имени Софики Чиаурели «За вклад в киноискусство». Его также получил сценарист и режиссер Ираклий Квирикадзе. Памятный приз был присужден также президенту фестиваля, юбиляру этого года Эльдару Рязанову. Увы, великий комедиограф не смог приехать в Тбилиси... но сердцем был с участниками и зрителями фестиваля.

Анна БЕЛОВА

САМЫЙ ТОЛЕРАНТНЫЙ ТЕАТР

▲ Николай Свентицкий на церемонии награждения

Тбилисский государственный русский драматический театр имени А.С. Грибоедова стал обладателем премии «Защитник толерантности-2012». Эта награда вручается людям, организациям и медиа-средствам, которые вносят особенный вклад в развитие культуры толерантности в Грузии. Совет по делам национальных меньшинств при народном защитнике страны присудил премию театру в номинации «Организация года».

В связи с Международным днем толерантности Центр толерантности при аппарате народного защитника Грузии устроил торжественный прием. Мероприятие открыли исполняющая обязанности народного защитника Тата Хунцария и заместитель постоянного представителя Программы развития ООН (UNDP) Инита Пауловича. Организаторы подчеркнули, что Грузия – уникальная страна по количеству проживающих в ней национальных меньшинств.

Руководитель центра толерантности Бека Миндиашвили поздравил обладателей премии «Защитник толерантности- 2012». Эту традиционную премию присудили Совет по делам национальных меньшинств и религий при народном защитнике. С 2010 года Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» входит в Совет по делам национальных меньшинств.

Совет по делам нацменьшинств организацией года назвал Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова. Бека Миндиашвили вручил приз директору театра, президенту Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николаю Свентицкому. В своем ответном выступлении Николай Свентицкий отметил, что Грибоедовский театр, старейший на Кавказе, уже 168 лет работает на земле Грузии и за это время стал неотъемлемой частью культурной жизни нашей страны.

Совет по делам религий организацией «Защитни-

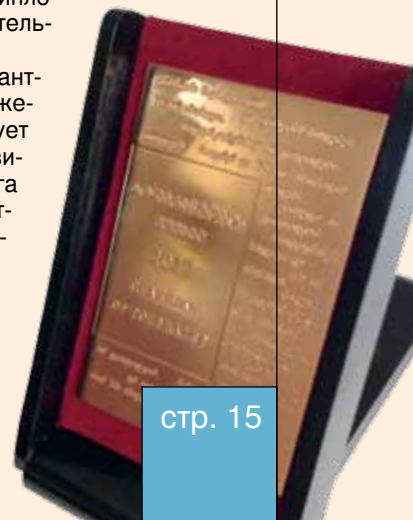
ком толерантности» назвал Национальную парламентскую библиотеку Грузии. Приз был передан директору библиотеки Георгию Кекелидзе. Обладателем премии в номинации «Персона года» стала директор Музея истории Тбилисской государственной консерватории им.В.Сараджишвили Марине Чихладзе. Единодушное мнение сложилось относительно отличившегося медиа-средства. Приз был присужден Радио Свобода.

В рамках мероприятия прошло награждение победителей журналистского конкурса «Толерантность и многообразие», уже шесть лет проводимого Центром. Победительницей второй год подряд стала батумская журналистка Лела Думбадзе за статью «Почему люди меняют веру» (газета «Батумелеби»). На втором месте – Леван Сутидзе из журнала «Табула», а на третьем – интернет-журналист Саломе Ачба. Специальные призы получили Давид Тиникашвили за цикл статей о социальном служении религиозных объединений, опубликованных в течение года в журнале «Либерал». Дипломы конкурса получили Джимшер Рехвишвили (Радио Свобода), Саломе Угулава (журнал «Табула»), Нино Мачарашвили (журнал «Табула») и Медея Гогсадзе (газета «Комсомольская правда»).

Мероприятие организовано Центром толерантности при поддержке Программы развития ООН (UNDP). Его гостями стали члены правительства, Парламента, представители дипломатических миссий и направительственных организаций.

Международный день толерантности отмечается с 1996 года ежегодно 16 ноября. Он символизирует взаимоуважение культур и цивилизаций, необходимость диалога и сотрудничества. День толерантности принят Генеральной ассамблеей ООН.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ КАВКАЗ

Годовщине битвы за Кавказ была посвящена встреча, организованная Союзом ветеранов войны и вооруженных сил Ваке-Сабурталинского района грузинской столицы. Ветераны Великой Отечественной войны собрались, чтобы вместе в торжественной обстановке отметить эту знаменательную дату. В зале присутствовали не только непосредственные участники обороны Кавказа, но и их товарищи, сражавшиеся на других фронтах. Эти седые мужчины и женщины с боевыми наградами на груди своим ратным подвигом в тяжелую пору приблизили окончательную победу над немецким фашизмом, самым, пожалуй, страшным злом минувшего столетия.

Поздравить героев пришли представители министерств обороны и здравоохранения Грузии, ветеранских организаций города и страны. Отдали дань уважения и признательности ветеранам и подростки – участники детского хора имени святого Илии Праведного Патриаршества Грузинской Православной Церкви, которые порадовали собравшихся замечательным исполнением грузинских песен.

Как и вообще все мероприятия, устраиваемые Союзом ветеранов Ваке-Сабурталинского района, это собрание прошло в теплой, неформальной, почти домашней обстановке, очень далекой от атмосферы протокольных мероприятий. Обратившись к участникам войны, председатель союза Леван Чачуа от всей души поблагодарил их за то, что они ценою собственной крови освободили планету от коричневой чумы. Держа в руках горящие свечи, собравшиеся минутой молчания почтили память бойцов, павших на полях сражений самой кровопролитной войны в истории человечества.

Оборона Кавказа – один из ключевых этапов Великой Отечественной войны, в значительной мере определивший дальнейший ход событий и во многом обусловивший окончательный разгром фашистской Германии. Мы называли ветеранов героями. И это – не оговорка. Да, все они – герои, независимо от того, на каких фронтах, в каких родах войск и в каких чинах и званиях им пришлось воевать. Мы в неоплатном долгу перед всеми этими людьми без исключения, от рядовых до генералов, перед теми, кто сражался в горах Кавказа, и теми, кто брал

Прагу и Берлин. И в мирное время ветераны продолжали с честью служить отечеству, достигнув значительных успехов в разных областях. Аплодисментами встретил зал пришедшего на собрание академика Шота Гамкредидзе, отметившего в нынешнем году 90-летний юбилей. Это – ученый с мировым именем, врач-психиатр, один из основателей нового для своего времени направления в медицине – психофармакологии. За выдающиеся заслуги перед отечественной наукой в апреле он был награжден Орденом Сияния. Однако, с не меньшей гордостью ученый носит боевые награды, полученные в годы Великой Отечественной.

Ветераны ВОВ Михаил Абесадзе, Леван Гугава, Бидзина Апраксидзе поделились интересными воспоминаниями о боевых сражениях тех лет. Тепло поздравил присутствующих в зале старших боевых товарищей ветеран вооруженных сил Грузии, полковник в отставке Заур Ломидзе.

На встрече присутствовал участник битвы за Кавказ, заслуженный деятель искусств Грузии, известный футболист Михаил Джоджуа.

Заслуженный журналист Грузии, военный историк Леван Долидзе отметил огромную роль военачальников как в обороне Кавказа, так и окончательном разгроме фашистов в Великой Отечественной войне.

По сложившейся традиции на встрече присутствовал начальник госпиталя ветеранов войны Георгий Мацаберидзе. Он заверил присутствующих, что коллектив госпиталя и в дальнейшем сделает все от них зависящее для улучшения как стационарного, так и амбулаторного лечения больных.

Решением за подписью начальника Департамента по делам ветеранов объединенного штаба вооруженных сил Грузии генерала Эмзара Чочуа все 108 участников награждены почетными грамотами, в т.ч. ветеран войны Нино Гудушаури, которая от имени награжденных поблагодарила всех, кто принял участие в этой замечательной встрече.

Грузия участвовала в войне против нацизма в пропорциях, несопоставимо больших по отношению к ее возможностям. Около 700 тысяч посланцев республики

воевало на полях сражений. Это более 18 процентов от общего населения, которое в 1941 году не превышало 3,5 миллиона человек. Между тем, как говорят специалисты, участие в военных действий 15 процентов от общего населения грозит необратимыми демографическими изменениями. Почти половина участников войны из Грузии не вернулась домой. Но народ выстоял, выдержал это испытание.

Тем тяжелее участникам обороны Кавказа осознавать, что край, который они 70 лет назад сумели защитить от нацистов, в наши дни вновь стал зоной кровавых противостояний.

Поздравить старших товарищей пришел герой боев в Абхазии Джанри Убирица, ставший инвалидом первой группы на той войне. Сегодня этот человек ведет большую общественную работу, направленную на защиту прав ветеранов и невозобновление военных действий. В зале была и Марина Аршба, дочь выдающегося врача-уролога Сократа Аршба, потерявшая сына во время грузино-абхазского военного конфликта. Студент Тбилисского медицинского института, сын грузина и абхазки не мог смириться с тем, что между двумя этими народами возникли проблемы. Красивый, талантливый юноша, у которого вся жизнь была впереди, добровольцем пошел на фронт и пал смертью храбрых.

Как поется в известной песне, это был праздник со слезами на глазах, и не только в общепринятом и вполне понятном смысле. С горечью говорили участники встречи о том, что составляет сегодня их заботу и боль.

- Я был сыном репрессированного, - сказал на встрече ветеран ВОВ, профессор Александр Поцхишвили. - Но когда началась война, я счел своим долгом добровольцем пойти на фронт. И сегодня меня угнетает, что словосочетание «Великая Отечественная война» исчезло из нашего обихода. Конечно, война была великой, и она была отечественной. Потому что все мы защищали нашу горячо любимую Родину. Человек не стоит насмерть за то, что ему безразлично. Я призываю всех объединить усилия и поставить перед новой властью вопрос о необходимости восстановить историческую справедливость.

К сожалению, в стране, сыновья и дочери которой

▲ На встрече ветеранов боев за Кавказ

внесли большой вклад в победу над фашизмом, в последние годы предпринимались попытки переосмысления истории, разрушались памятники героям войны с фашизмом, уничтожались символы военных лет. Не говоря уже о том, что подвиг ветеранов сегодня у нас не оценен по достоинству. Никто из участников встречи не проронил об этом ни слова. Люди, победившие фашизм, стойко переносят житейские трудности. Однако, факт, что пенсии ветеранов ВОВ в Грузии гораздо ниже, чем в большинстве бывших республик Советского Союза. Участники войны лишены у нас почти всех льгот. Многие по-настоящему нуждаются. А ведь это – люди уже очень немолодые и далеко не здоровые, которым нужна поддержка. Хочется надеяться, что силы, пришедшие в руководство страны, учтут нужды этой категории наших сограждан. А пока остается поблагодарить Союз ветеранов войны и вооруженных сил Ваке-Сабурталинского района Тбилиси, который по мере его очень скромных возможностей не оставляет вниманием этих людей. И нынешняя встреча – еще одно тому подтверждение.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

▲ Нона Гаприндашвили

НЕСРАВНЕННАЯ НОНА

▼ Право первого удара по мячу

Генеральный секретарь Международной шахматной федерации госпожа Инеке Баккер поднялась на трибуну и, посмотрев в празднично настроенный зал, сказала: «Мы приветствуем сейчас новую чемпионку мира. Мне могут возразить: уместно ли здесь определение «новая»? Но взгляните на Гаприндашвили: конечно же, она новая молодая чемпионка! Каждые три года она вновь и вновь доказывает, что является сильнейшей в мире!»

Сама виновница торжества, на чью коронацию пришел, кажется, весь Тбилиси, сидела торжественно-серьезная в шахматном дворце, равного которому нет в мире, и рассеянно думала, что вот еще одно тяжелейшее испытание осталось позади, этот матч с Наной Александрия, играть который было трудно, и каждое очко, несмотря на преимущество в счете, требовало очень большой затраты физической и нервной энергии. Хозяйка большого шахматного дома, она и на этот раз осталась хозяйкой положения на этой сцене, к которой несколько недель было приковано внимание всего мира. Несмотря на торжественность момента, она не испытывала большой радости, только усталость, и одно твердо знала: до конца года на шахматы и смотреть не будет. Эту усталость от груза испытаний, кажется, излучали и глаза маленького Дато. Сын сидел напротив, в первом ряду кресел, и судьи не имели претензий к одному из самых заинтересованных зрителей, который знал шахматные ходы, научился «болеть» и теперь терпеливо ждал, когда она спустится в зал.

В двадцать один год она стала чемпионкой мира, в том же возрасте, что и Вера Менчик, и, неловко просовывая голову в лавровый венок на сцене московского Дома культуры «Красный пролетарий», еще не очень ясно представляла, какое тяжелое бремя, чемпионки бремя, взвалила отныне на свои плечи. Добившись тогда большого преимущества в поединке двух поколений, когда крепость Елизаветы Быковой рухнула под острым комбинационным натиском, от борьбы, близкой

▲ Вахтанг Карселадзе с Ноной Гаприндашвили и Наной Александрия

к мужскому стилю игры, она не очень-то понимала, что стала лидером молодого поколения, победа которого открыла новую страницу в развитии женских шахмат, что пример играющей чемпионки вдохновит землячек, приведет к огромной популярности шахмат и в конечном счете выльется в бурный взрыв и почти синхронное появление талантов, дав основание утверждать, что в Грузии девочки рождаются шахматистками.

Известный драматург Леонид Зорин, прославившийся своей «Варшавской мелодией», в предисловии к нашей с Эдуардом Гуфельдом книге «Семнадцать весен Майи» (М., 1980) писал: «О «грузинском феномене», о целом созвездии даровитых девушек-шахматисток говорят порой с изумлением, но всегда с восторгом.

В самом деле, чем объяснить этот бурный взрыв, это почти синхронное появление талантов?

Объяснение ищут в традиционном увлечении шахматами, в дисциплинированности и волевых качествах молодых грузинок, в особом складе их ума – трезвом и одновременно наделенном богатым воображением.

Как бы то ни было, факт остается фактом: сегодняшние женские шахматы нельзя представить без этих уже прогремевших имен, возглавляемых несравненной Ноной Гаприндашвили».

Будущая чемпионка мира росла в Зугдиди, в семье агронома Терентия Гаприндашвили, в окружении пяти братьев, и хотя, как единственная девочка, и пользовалась в семье особым вниманием взрослых, но со стороны братьев ни на какие привилегии рассчитывать не могла. Эта суровая любовь, дух веселого коллективизма, царившие в семье, в их играх, создали в ней, по признанию чемпионки, не только устойчивый и активный иммунитет к «звездной» болезни, но и нетерпимость к любой несправедливости, к любому нарушению общепринятых правил, обстановки великой Игры, уважать которую она научилась с детства; в семье осуждались чванство, кичливость, упивание собственным успехом.

Эта жизненная позиция помогла ей с честью справиться со славой, выстоять в атмосфере всеобщего восхищения, когда огромная толпа удивленных и умиленных людей приходила по вечерам к парадному подъезду Малого зала театра Руставели, чтобы взглянуть на пятнадцатилетнюю девочку, выигрывавшую партию за партией в полуфинале «взрослого» чемпионата страны. С каждой новой победой ажиотаж болельщиков рос, как спущенная под гору снежная лавина. В газете «Советский спорт» появился дружеский шарж: под столом лежит забытая кукла, а ее хозяйка взобралась на стул и увлеклась новыми игрушками – шахматами.

Шутки шутками, но когда во время турнира в Тбилиси Нона покидала театр, где игрались партии, ее сопровождали два милиционера, чтобы провести через толпу восторженных почитателей. Это не могло не беспокоить

ее первого шахматного наставника Карселадзе. Вахтанг Ильич даже написал статью в редакцию учительской газеты, прося любителей шахмат сдерживать свои эмоции; но шахматистку повышенное внимание к ее персоне мало волновало и, как ни странно, даже помогало, создавая счастливое, какое-то особенно приподнятое настроение, удивительным образом способствующее гармонии творчества. Уже тогда, в середине пятидесятых годов, в ее игре проявилось редкое в таком возрасте сочетание острого комбинационного зрения и тяготения к последовательным действиям, обнаруженное руководителем шахматного кружка Тбилисского Дворца пионеров. Карселадзе стремился сочетать в игре Ноны романтический порыв, здоровый смысл, эрудицию.

Такое воспитание чувств было продолжено и развито заслуженным тренером СССР Михаилом Шишовым и рижским гроссмейстером Айваром Гипслисом, другом и земляком ее давнего кумира Михаила Талья, которые очень деликатно постарались сохранить открытое Карселадзе и сделали все для совершенствования шахматистки и придания блеска ее шахматному дару.

В шестьдесят первом талант Гаприндашвили созрел для штурма шахматного трона. 20-летняя студентка Тбилисского института иностранных языков выиграла турнир претенденток, а в следующем – победила в матче четвертую чемпионку мира Елизавету Быкову с астрономическим счетом 9:2. На праздничной церемонии закрытия матча Быкова подарила счастливой сопернице свою книгу о Вере Менчик с примечательным посвящением: «Ноне Гаприндашвили – достойной продолжательнице великих традиций».

Тигран Петросян (он станет чемпионом мира в 1963 году, а еще через трехлетие – двукратным) писал в газете «Правда»: «До начала матча, наверное, все думали, что за шахматный венец разгорится острая, увлекательная борьба. Но молодая грузинская девочка многие встречи проводила под свою диктовку, и окончательный результат 9:2 (семь побед, четыре ничьих) достаточно красноречиво отражает соотношение сил в этой схватке. Да, победила сильнейшая».

Специалисты обратили внимание на средства, используемые ею для достижения цели.

В турнире претенденток в Югославии (1961) решающей оказалась партия с хозяйкой турнира – Милункой Лазаревич. 20-летняя Нона играла по обыкновению смело, и, казалось, перешла грань допустимого риска. Ее король попал в опасное положение. Многие в зале считали, что Нона должна проиграть. И вдруг она сделала ход ферзем, совершенно неожиданный, но на самом деле сильнейший. Мотивы жертвы не сразу поняли даже высококвалифицированные зрители. А когда поняли...

«За такой ход, - сказал гроссмейстер Игорь Бондаревский, - ей следовало бы присвоить звание мастера спорта среди мужчин». «Вы не правы, - возразил ему венгр Силади после того, как позиция Лазаревич мгновенно рассыпалась, - ваша Гаприндашвили – настоящий гроссмейстер».

Это утверждение вызвало улыбку, но потом все поняли, насколько пророческим оно оказалось. Нона не раз выполняла норму мастера среди мужчин.

К тому времени она стала международным гроссмейстером среди женщин и задалась целью добыть это высокое звание в споре с мужчинами.

Путь к нему начался в 1963 году в Гастингсе, в мужском турнире мастеров. Неожиданно для многих она разделила первое-второе места и завоевала право играть через год в главном турнире, где заняла высокое пятое место. Именно в Гастингсе в течение одного вечера ей

▲ Матч Елизаветы Быковой и Ноны Гаприндашвили. Москва. 1962

дважды сдал партию будущий гроссмейстер Хартстон. Один раз признавая свое поражение, а потом этот эпизод захотели снять для телевидения, и соперники снова сели за шахматный столик, чтобы повторить процедуру сдачи.

На мужском турнире в Дортмунде в 1974 году Нона красиво выиграла у итальянца Сервати. Партия обошла мировую печать, хотя в одной статье было написано, что она заставила сдать шахматистку. Гаприндашвили пришлось немало потрудиться, чтобы приучить шахматный мир к своим победам над представителями сильного пола.

На международном мужском турнире в Лон-Пайне за победу боролись 14 международных гроссмейстеров и 16 международных мастеров. Финиш принес сенсацию. Впервые в истории мужских соревнований победила шахматистка. Нона разделила первое-четвертое места, выполнив норму гроссмейстерского балла. Она первая женщина, которой присвоено это звание в 1978 году. Однако было бы неверно утверждать, что основные подвиги Гаприндашвили совершила в борьбе за шахматное равноправие. Она – 11-кратная олимпийская чемпионка, 5-кратная чемпионка СССР, 2-кратная победительница Кубка европейских чемпионов, почетный гражданин Тбилиси, кавалер орденов Ленина, «Знак Почета», Вахтанга Горгасала 1-й и 2-й степени, Олимпийского ордена МОК, заслуженный мастер спорта. По итогам референдума Ассоциации спортивных журналистов она названа грузинской спортсменкой №1 XX века.

Так шахматы, которым Нона Гаприндашвили обязана многим – некоторыми чертами характера, спортивными и творческими радостями, жизненным успехом, властью вошли в ее жизнь, стали страстью, но в то же время и обязанностью.

Бывало, не хотелось садиться за шахматный столик, раскрывать югославский «Информатор», эту Библию шахматистов, но это настроение она гнала прочь, понимая, что как чемпионка несет ответственность за свои действия и уж наверняка за свое отношение к шахматам. Обязанности депутата Верховного Совета Грузии, председателя женской комиссии ФИДЕ отнимали немалую часть ее строго распланированного бюджета времени, но общественная работа доставляла радость, наполняла жизнь новым содержанием и гордостью за свой шахматный авторитет, который помогает служить людям.

Потом добавились конкретные дела первого президента (1989-1996) и почетного президента (с 1996) Наци-

онального Олимпийского Комитета и Федерации шахмат Грузии. Вспоминательные годы президентства, сама считает, что это было не менее значительно, чем ее титулы.

На многотрудный путь вступила Гаприндашвили, когда в детские годы, соревнуясь с братьями и соседскими мальчишками в футболе (у нее горели ладони при воспоминании, как она, семилетняя девочка, стоя в воротах, отбила одиннадцатиметровый штрафной удар), исподволь развивала и укрепляла гордость шахматистки, которая приводила ее в мужские турниры и вызвала к жизни символический клуб гроссмейстеров, чье самолюбие сильно пострадало в партиях с первой шахматисткой мира.

Однажды по окончании международного турнира в Югославии одна из соперниц, шутя, предостерегла ее: «Ты вот все время выигрываешь, а ведь к этому привыкнут, а потом, знаешь, будет трудно. Так что смотри, иногда стоит и проиграть». В этой шутке была изрядная доля правды. На протяжении двух десятков лет она действительно приучила мир к своим победам.

Когда Гаприндашвили выиграла свой третий матч за мировое первенство, болельщики преподнесли ей оригинальный сувенир – брошку в виде пластинки с вычеканенной короной. В трех зубчиках короны, похожей на графическое изображение ферзя, поблескивали самоцветы, а два других оставались пустыми. Поклонники шахматного искусства намекали, что ожидают от чемпионки мира еще по крайней мере двух побед на высшем уровне. В 1975 году брошка Гаприндашвили приобрела законченный вид. Пять матчей на первенство мира – пять побед.

Правда, абсолютный рекорд принадлежит Вере Менчик, которая титул чемпионки мира завоевывала ни много – девять раз. В довоенные годы мировые чемпионаты проводились чуть ли не ежегодно, и все победы первой королевы шахмат, трагически погибшей от фашистской бомбы при налете на Лондон в 1944 году, приходятся на период в семнадцать лет.

Но послушаем мнение экс-чемпиона мира Макса Эйве: «По моему глубокому убеждению, Нона Гаприндашвили значительно превосходит знаменитую Веру Менчик. Игра ее намного разносторонней, ярче. Это

▲ Мужская и женская сборные СССР - победители Олимпиады: Г.Каспаров, Н.Гаприндашвили, А.Белявский, Н.Александрия, А.Карпов, М.Чибурданидзе, А.Юсупов, Н.Иоселиани, Л.Полугаевский, М.Таль. Люцерн. 1982

шахматистка широкого плана, больших творческих возможностей».

Находясь в расцвете творческих сил, зените славы, Нона как-то призналась, что с годами и новыми турнирами ей все труднее будет сохранять тот образ чемпионки, который она создала в своем воображении и которому старалась соответствовать все эти годы. Но какие бы испытания ни ждали ее в будущем на тернистом шахматном пути, в одном она убеждена твердо: никогда она не унижит свое чемпионское достоинство, никогда не вступит в противоречие с ее понятиями о справедливости, скромности, чести, никогда не нарушит тех правил игры, борьбы, состязания, в которые на всю жизнь поверила зугдидская девочка.

Гаприндашвили, со свойственной ей ответственностью за каждый свой шаг, за каждый ход, не могла не задумываться, кому со временем передаст чемпионскую эстафету.

Осенью 1978 года она в упорной борьбе проиграла матч на первенство мира Майе Чибурданидзе.

«Для меня большая честь играть с Ноной Гаприндашвили». Эти слова Майи справедливы с того момента, когда она открыла для себя мир шахмат. Первая очная встреча состоялась 28 января 1973 года в сеансе с чашами королевы шахмат против восьми девочек-призеров первенства Тбилиси, организованном шахматным клубом «Саморине». Он транслировался по Грузинскому телевидению. Эти слова были произнесены в бархатный сезон на мысе Пицунда, когда 17-летняя чемпионка СССР начала свой самый ответственный матч.

Прибавив к своему титулу непривычную приставку «экс», Гаприндашвили осталась выдающейся шахматисткой современности, и победу Майи справедливо расценивали, как победу всей грузинской шахматной школы, и, хоть это грустно и парадоксально звучало, как победу Гаприндашвили, так много сделавшей для развития шахматного искусства. Так считал я и написал в газете, время подтвердило правоту моих слов. На следующее утро меня остановил на развилке улиц Ленина и Меликишвили, возле здания филармонии, незнакомец. Он представился как профессор Тбилисского государственного университета: «Мы в профессорской обсуждали вашу статью в «Заре Востока» и нашли ее очень объективной, одинаково уважительной для обеих шахматисток».

Утрата шахматной короны обычно сопровождается снижением творческих и спортивных результатов, но на игре Гаприндашвили это мало отразилось. Спустя месяц она вместе с Майей Чибурданидзе, Наной Александрией и Еленой Ахмыловской в составе сборной СССР выиграла золотые олимпийские медали в Буэнос-Айресе. Победы в трех чемпионатах страны (1981, 1983, 1985), на последующих шахматных Олимпиадах, международных турнирах, наконец, присуждение первого шахматного «Оскара» среди женщин в 1982 году подтвердили ее неизменную принадлежность к мировой элите.

И мне вспоминается 1956 год. Шахматная секция ТГУ. Мы, студенты различных факультетов, всей командой разгрызаем крепкие орешки – этюды, которые предлагает решить наш замечательный руководитель – Иосиф Крихели, в скором будущем международный гроссмейстер по шахматной композиции. Кто-то побывавший на вчерашнем туре полуфинала первенства страны с восторгом спешит поделиться впечатлением от игры этой неудержимой в своем лидерстве Ноны Гаприндашвили. «Скажет «шах!» - и весь народ: вааа!»

Арсен ЕРЕМЯН

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

▲ Семья Спиридона Вацадзе, прадеда Нами

Продолжение

В Телави в семье отца был скромный кахетинский быт: сад, свои куры, грушевое дерево и виноградник в деревне, который, как я уже упоминала, давал основной доход.

Говорили в семье на грузинском и русском языках. Моя бабушка Гаянэ шила детям одежду сама, а очень дорогое сукно для гимназической формы присылалось родней из Баку. В семье жила и племянница матери, сирота Марго. Ее старшие братья находились во Владикавказе. Марго Теймуразова (позже по мужу Мачавариани) была глубоко привязана к своему двоюродному брату, моему отцу, после его гибели перенесла эту привязанность на мою маму. К своей двоюродной сестре, моей тете Нине, Марго относилась особенно нежно. Рано овдовевшая и одинокая, она была прекрасным фармацевтом. Всю жизнь отдала работе. Посетители аптеки №1 на главной площади Тбилиси знали ее редкую отзывчивость: если не было нужного лекарства, она записывала телефон, адрес и, как только лекарство появлялось, сама сообщала больным.

Марго – ей было восемьдесят лет – умерла в Тбилиси в конце 60-х годов, после рабочего дня зайдя к моей маме, на улицу Чонкадзе, дом 14, где она была участницей и свидетельницей долгих лет драматической жизни нашей семьи. В тот вечер все были рядом – и моя мама, и моя сестра, любимые Марго маленькие сыновья моей сестры.

Невозможно ее забыть: редкая заботливость всегда отличала эту добрую женщину. Уже после смерти тети Нины, когда бы я ни приезжала в конце 50-х – на-

чале 60-х годов и ни заходила к ней, домашний уют ее комнаты приносил ощущение покоя и основательности. Она сразу начинала угощать всегда имевшимися в запасе традиционными сладостями своего приготовления.

Марго была одной из тех удивительных женщин, которыми отличалось патриархальное общество прошлого: трудолюбивая, обязательная, заботливая и преданная. Пока она была жива, я всегда в Москве к 25 декабря получала посылку с приготовленными ею вареньем из маленьких баклажан, арбузных корочек, чурчхелами и козинаками. Все всегда мастерски и тщательно ею готовилось. Такой была Марго в быту и на работе. Последний год жизни моей тети Нины Марго жила ее проблемами. И ее ранняя смерть вслед за мужем была для Марго трагедией.

Отец мой, Артем Геурков, после гимназии был арестован за участие в работе большевистского кружка вместе с другом Гришей Арутиновым, будущим мужем сестры Нины. Родители Гриши во время ареста от него отказались.

В тюрьму к ним ходила только Нина. Освободили их по ходатайству директора гимназии как лучших учеников выпускного класса.

В 1921 году в Грузии после прихода Красной Армии установилась советская власть. Отец через некоторое время стал секретарем Телавского райкома партии большевиков. В то время эта должность была связана не столько с политикой, сколько со строительством новой жизни. Со слов телавских старожилов, простые

люди ему доверяли, зная его редкую честность, энергию и доброту.

В Телави отец продолжал жить в фамильном четырехкомнатном кирпичном доме, который построила его мать после пожара. Две комнаты оставил старшему брату, а вторую половину передал райкому – для квартиры секретаря. Пока он работал, так и было, но позже, когда стали присылать секретарей из Тбилиси, потребности возросли, партработники стали жить лучше и двух комнат в небольшом доме им, естественно, не хватало. Партработникам предоставили новые квартиры, а дом отца так и остался навсегда разделен пополам – две комнаты у моей двоюродной сестры Гаянэ, а в тех двух, когда-то отданных райкому, давно живут чужие люди.

Как отец, так и Гриша Арутинов, который после отца в 1924 году также работал на этой должности, хорошо знали деревню, ее проблемы. Кахетия – это прекрасные виноградники, великолепное вино, пшеница, лучшая в Грузии. Отец жил будущим – я помню дома фотографии строящегося моста, стадиона, больницы, гостиницы.

В 1926 году отец стал учиться в Москве в Научном автомобильном институте (НАМИ). Когда я родилась, меня думали назвать Гаянэ, в честь телавской бабушки, матери отца, но потом решили, что пришло новое время – новая эпоха, все должно быть новым, и назвали меня Нами, благо это совпадало с грузинским словом «роса» - «утренняя росинка» - «дилис нами».

По возвращении из Москвы отец работал в Тбилиси в трактороцентре, и довольно скоро его направили (как тогда говорили) в Аджарию первым секретарем обкома партии и одновременно начальником Колхидстроя (там осушались болота, боролись с малярией).

Мы с мамой жили то в Тбилиси, пока она училась, то в Батуми. Когда в 1932 году мама окончила институт, она начала работать около Батуми, на Зеленом Мысе, в Ботаническом саду агрономом. Это был удивительный заповедник, созданный, кажется, академиком Вавиловым. Я проводила там часто целые дни. До сих пор перед глазами зеленые листья папоротника с коричневыми мягкими семенами, в парке японские уголки с карликовыми деревьями, дугообразные бамбуковые мостики с небольшими каменными тумбами-пагодами, высочайшие деревья, обвитые лианами, – все это было в прекрасном состоянии, порядок соблюдали энтузиасты. Помню дорогу из Батуми на Зеленый Мыс и дальше, в чудесное дачное место Махинджаури, где летом мама собирала всю семью – свою бабушку Марию Александровну, свою маму с младшей дочкой. Эти солнечные, голубые на зеленом фоне, спокойно-счастливые дни всегда живут в памяти.

Отца видела редко, он много работал, то в Потии, то в Чакве, то в горах – под его руководством за это время был благоустроен город Батуми, построена набережная, осушены болота Колхиды. Построили лимонарий, разбили чайные плантации, осуществили масосовые посадки мандариновых деревьев. Центральная улица Батуми разделена газоном из ярко-красных калл, ухоженный бульвар завершала белая колоннада на берегу моря.

Отец был первым лицом в Аджарии, но этого не ощущалось, так как жили мы скромно, хотя его должность предполагала определенные блага, занимали одноэтажный четырехкомнатный особняк на улице Энгельса, каких тогда было еще много в Батуми (там до революции оседали царские чиновники и военные), а

летом жили в Цихидзири на прекрасной даче у моря, больше никаких особых «благ» не помню.

Рядом был детский парк с парходом, которым управляли сами дети. Справа через улицу, в таком же домике с зеленым садом, как и у нас, жила дама «из бывших», она преподавала музыку. Меня тогда поражала ее пунктуальность: она выходила гулять в строгое черное красивое платье, с белым шпицем на поводке, всегда в одно и то же время, в любую погоду. Дама своим обликом, образом жизни вызывала у меня особое чувство уважения и тайного любопытства.

У моря, напротив бульвара, на улице Ниношвили жили друзья моей бабушки Нины Спиридоновны – Фомичевы, удивительная пара. Глава семьи в прошлом так же, как и отец мамы, военный юрист, был нелюдим, часто болел, и потому весь дом был на его жене-красавице Ольге Ниловне – талантливой, яркой женщине. Кажется, в молодости, до замужества, она играла в театре. Ольга Ниловна никогда не унывала и старалась

▲ Родители Нами

приспособиться к новой жизни, как бы не замечая тех изменений, которые произошли. У нас дома есть фотографии из ее «прошлого» – снимок после свадьбы: молодой статный офицер и Ольга Ниловна, беззаботная, томная, изящная, окутанная мехами. Сразу после революции они собирались уехать из России от большевиков, но застряли в Батуми. С ними остался денщик, который всю жизнь верно служил этой семье. Помню, как он колот дрова у них во дворе.

Эти памятные щемящие ниточки тоже не рвутся и остаются на всю жизнь как части самого важного... Образ Ольги Ниловны тоже остался в памяти символом высокого духа, доброты, обаяния, веселой общительности и человеческой личностной особенности.

Уже после первого издания моей книги «Своими глазами с любовью и печалью» неожиданно получила дневник Ольги Ниловны от ее внучки Ирины.

Мама – энергичный и легкий человек, тогда в Батуми ей было двадцать три-двадцать четыре года. Когда я болела, она, уходя утром, оставляла мне карту страны, мы намечали с ней разные города, куда надо было поехать, и к ее возвращению с работы я рисовала

▲ С Григорием Арутиновым

ей маршруты, дороги, так с ней раньше играл ее отец. Мама делала мне маленькие макеты ландшафтов – склеенные картонные горы, между ними крашенные синим стеклянные озерца, желтые полоски дорог.

В 1936 году все в стране у нас были озабочены гражданской войной в Испании и беспокоились об испанских детях, которых, спасая от войны, вывозили в нашу страну. Я ходила в синей шапочке – символе республиканской Испании. Как-то мама сказала: если я хочу помочь испанским детям, она даст мне десять рублей, которые оставляла на мой день рождения, а я могу их отдать в фонд испанских детей. Я была счастлива и горда, никакого лучшего подарка не хотела.

Мама нас не баловала, жили мы просто, и в быту излишеств не было. Меня учили сначала французскому языку, потом немецкому в детском саду, с пяти лет начались уроки музыки, и были еще книги, в которые я окнулась с того же возраста.

Многое помню о том периоде жизни, но обо всем не расскажешь. И вымощенные кирпичом уютные дорожки во дворе дома, поросшие особым «батумским» мхом; впервые замеченная красота захода солнца над морем по дороге в Махинджаури; маленькие свежезеленые листочки на кустах чая в саду и на даче, которые мы собирали и сдавали общественным сборщикам «урожая». Помню отца за рулем двухместной красной машины, сзади откидывалась крышка, и там было тоже сиденье, куда сажали меня, а впереди молодые, веселые мама и папа. В выходные дни мы ездили кататься, так я видела строительство лимонария (оранжереи для лимонов, папиной мечты), бамбуковые рощи. Машину эту подарили папе от имени первого каравана репатриантов-армян, приплывших на пароходе в Батуми, а от туда поездом отправлявшихся в незнакомую далекую Армению. Машину он отдал в гараж обкома партии, а сам иногда пользовался ею, так как очень любил сидеть за рулем.

В период своей работы в Аджарии отец с группой специалистов-агрономов и строителей на несколько месяцев был командирован за рубеж, в страны, где схожий с Аджарией климат и где разведение субтропи-

ческих культур имеет давние традиции. Группа посетила Италию, Францию, Алжир, Флориду. Вот после этой поездки и началось энергичное осуществление мечты отца – сооружение лимонария для лимонных саженцев, чайных плантаций и многого другого.

Константин Паустовский написал книгу «Колхида», прообраз ее героя – мой отец. В 1935-1936 годах вышел в приложении к журналу «Огонек» сборник «Советские субтропики», там Михаил Кольцов написал о папе статью, подчеркивая его энергию, преданность как промышленному развитию субтропических культур, так и созданию новой жизни для жителей Аджарии. У меня есть папина брошюра о субтропиках, о виденном в Европе и о том, что необходимо делать дальше в Аджарии.

Группа специалистов, вернувшись домой, привезла в подарок детям города, в детский парк, копию итальянской скульптуры, купленную на свои деньги, а в память о поездке отец привез деревянную музыкальную шкатулку, которая играла мелодию «O Sole mio». Я такие потом видела на Капри.

Грустно, но уже давно нет той итальянской скульптуры в Детском парке. Уютный городок Батуми стал грязным и холодным. Ботанический сад еле дышит. Как-то один из моих друзей был там, я просила его по-расспрашивать жителей о Геуркове. «Его помнят, – отвечали самые разные люди, которые сами не могли его знать по возрасту, – таких людей больше нет, ведь он создал наш город». Осталось очень мало тех, кто лично знал отца, и они говорят о нем самое доброе. Это и моя гордость, и печаль, и радость – свою недолгую жизнь отец посвятил людям. Его добрым словом вспоминает Аслан Абашидзе, бывший президент Аджарии, который пригласил меня в 2004 году в Батуми.

Детских впечатлений много, одно из самых для меня драматичных – это история о нашем доме в Тбилиси на улице Чонкадзе, бывшей Гудовича, дом 14а. Там мы жили. Позже там жила моя сестра.

В начале 30-х годов отец и его друзья по молодежному обществу «Спартак» решили скооперироваться и построить трехэтажный дом в Тбилиси, Я помню этот дом еще совсем новым.

Наша улица в верхней части Соллаки шла вдоль горы, где на вершине стояло здание фуникулера, построенного еще до революции бельгийской компанией, два вагончика которого ползли навстречу друг другу. На склоне горы – церковь св. Давида. Рядом с ней склеп с могилой Грибоедова. Сад наш был началом склона этой горы, выше – небольшие частные дома, тоже со своими садами, напротив – семья греков Михайлиди в двухэтажном собственном доме, слева – русские, Сокольские. В нашем доме жили армяне, грузины, евреи. В детстве я не задумывалась о национальности людей, но сейчас, мысленно возвращаясь в прошлое, понимаю, что оно было окрашено неподдельным интернационализмом.

Дом состоял из шести квартир, по три комнаты в каждой, с верандами во двор и с балкончиками с железными решетками на улицу. Слева от входа на первом этаже жили Лазаревы, их сын Лева учился со мной в одном классе, великолепно рисовал. С утра выходил во двор, и на асфальте появлялись мелом нарисованные кони. Лева Лазарев – известный скульптор, жил в Петербурге.

Справа на том же этаже вначале жила семья Горделадзе, их дочь Лейла стала кинорежиссером, на втором этаже слева – мы, а справа – мои тетя и дядя – се-

стра отца Нина и ее муж Гриша Арутинов, в 30-е годы секретарь Тифлисского горкома партии.

На третьем этаже слева жили Чахвадзе – родители и два сына, справа Ротман-Шлемовы с внучкой от первого брака их дочери Адели. Адель и ее муж Васико Дарахвелидзе, комсомольцы, заядлые теннисисты, друзья моих родителей, тогда работали в Германии. Васико служил, кажется, в торгпредстве, вернулись они в 1936 году с появившейся там дочкой Аленой. Это был мир людей, который при мне родился на улице Чонкадзе и при мне исчез в один миг, оставив только память.

Наш дом для того времени не принадлежал к высшему разряду. Дома, где жили известные партруководители, уже тогда были особые: просторные комнаты, постройка прекрасного качества или квартиры в старых особняках, как, например, у семьи Гегечкори, Филиппа Махарадзе, или в новых – как на улице Сулхан-Саба. Особым дом был рядом с бывшей аптекой Земмеля, где жила семья Вану Стуруа – революционера, его внук Роберт Стуруа ныне известный театральный режиссер. В одно время там жили Серго Орджоникидзе и сам Берия.

Там же жили при мне мать и сестра Берии – мать Марта, строгая, молчаливая, худая женщина, очень религиозная, набожная, всегда в черном, и ее дочь – глухонемая Анетта, родная сестра Берии. Я была у них однажды.

В сторону школы вторым после нашего стоял дом-дворец причудливой архитектуры начала века, из серого гранита, с зеркальными стеклами, с узорчатыми окнами и широкой мраморной лестницей, идущей от вестибюля вверх. Когда-то крупный промышленник армянин Бозарджянц построил его в подарок своей дочери. После революции там на втором этаже жила семья национального героя советской Грузии – Гегечкори. Вера, его жена, была русской по происхождению. Из Гегечкори, княжеского рода, обедневшей его ветви, и жена Берии – Нина Теймуразовна.

В любое время могу воскресить в памяти улицу детства.

Из какого-то далекого далека кажутся пришельцами затоптанные загадочные буквы Salve в мраморных грязных вестибюлях старинных домов.

В 30-е годы правительство Грузии возглавлял первый секретарь ЦК Грузии Лаврентий Берия. Отец, дядя и их коллеги были с ним дружны. Все примерно одного возраста, вместе работали и в отпуск или в выходные дни встречались на даче Берии в дачном местечке Крцаниси, около Тбилиси, или в Гаграх, на берегу моря.

Берия, по-видимому, привлекал всех тогда своей внутренней силой, каким-то неясным магнетизмом, обаянием личности. Он был некрасив, носил пенсне – редкость в то время, взгляд был пронзительным, ястребиным. Бросались в глаза его лидерство, смелость и уверенность в себе, сильный мингрельский акцент. Даже я, пяти-шестилетняя девочка, тогда с восторгом смотрела, как он заплывал дальше всех в бурное море, как лучше всех играл в волейбол. Берия увлекался фотографией, и на его даче в Гаграх, где мы часто бывали в гостях, он фотографировал и меня. Эти снимки сохранились. Он много со мной разговаривал, часто как бы всерьез обсуждал серьезные вопросы и книги.

В Гаграх в самые сильные волны он садился в байдарку и брал с собой меня, несмотря на мольбы женщин – своей жены, моих мамы и тети, Лаврентий

Павлович настаивал. И мы уплывали вдаль, взлетая на волнах. Страх у меня в детстве не было, особенно рядом с ним.

Мы жили очень просто, дома было только самое необходимое – железные кровати, столовый и письменный столы, платяной шкаф с невставленным зеркалом, буфет, книжные полки. Единственный предмет роскоши – черный рояль «Беккер». Никто не тянулся к вещам, их не замечали. Было много книг.

Когда впервые была в доме у Берии, вероятно, в 1935–1936 годах, еще в их последней квартире в Тбилиси (около бывшей аптеки Земмеля), меня поразила обстановка: в спальне – широкая деревянная кровать, зеркала в рамах, красивые портьеры, канарейка в клетке (незадолго до этого мама читала мне книжку, где описывалась семья «буржуев» с канарейкой в клетке) и какие-то еще непонятные безделушки. Жена Берии – Нина Теймуразовна – была очень красива, всегда прекрасно причесана, хорошо одета.

В Крцаниси (там и сейчас дачи высшей грузинской

▲ С мамой и тетей

номенклатуры) в дачном поселке имели по комнате Кудрявцевы, Меркуловы, Бакрадзе, Метонидзе, Буачидзе, Гоглидзе, Арутинов и другие ответственные партийные работники Грузии того времени. Были там корт, волейбольная площадка. Но Берии в то время принадлежала уже двухэтажная дача. Комнаты были красиво обставлены, к столу все подавалось обслугой. Это был другой мир. Как правило, по воскресеньям Берия собирал коллег-соседей поиграть в волейбол. Тогда это казалось дружеским общением. Мужчины, наигравшись в мяч, собирались у него к вечернему чаю, окна были раскрыты, и их шумные голоса, громкие разговоры мы слышали издали. Почти всех расстреляли в 1937 году.

В Батуми весной 1937 года родилась моя сестренка, летом отца назначили заместителем председателя Совнаркома Грузии, и мы переехали в Тбилиси, а в сентябре я пошла в 43-ю школу, на улице Энгельса.

Школа наша была особенно хороша. На улице Энгельса помню три русские школы (в национальных республиках существовали школы двух типов – в одних школах велось обучение на языке республики, в данном случае на грузинском, а в других – на русском языке) – наверху 94-я, в середине наша 43-я, а внизу

еще одна, потом она стала 3-й женской. Одно время в 40-х годах школы разделили на женские и мужские, и обучение велось раздельно по всей стране.

Район, в котором мы жили, был в основном, как сейчас говорят, русскоязычный. До революции там жили обеспеченные армяне. Улица Энгельса доходила до моста через Куру, который вел в Авлабар, район армянских ремесленников. Наш красивый район с великолепными добротными домами, как с небольшими особняками, так и доходными трехэтажными, с красивыми обустроенными дворами назывался Соллаки. Школа, в прошлом торговое училище, - постройка начала века, светло-серого гранита, с высокими окнами и мраморной парадной лестницей, с залами для собраний, утренников и для физкультуры, с тремя дворами.

В нашем классе учились подружки Нона Хотяновская, Нелли Саркисова, Сюзи Авшарова, Нателла Имедадзе, Ирма Гаглоева; постоянная отличница смиренная Белла Дубровская; плохо говорившие по-русски близнецы Геворковны; мой сосед по дому Лева Лазарев; Джерри Гвишиани позже в Москве стал зятем Председателя Совета Министров Косыгина и академиком, Юра Мечитов; Мери Чайгештова и красивая, но больная Мери Самбекова. Как я теперь понимаю, в классе учились и русские, и грузины, и поляки, и армяне, и осетины, и никто никогда об этом не задумывался. Класс был очень дружный, в школу я ходила с удовольствием.

После школы я часто забегала к тете Нине, в 1936 году они с мужем переехали из нашего дома с улицы Чонкадзе в дом на улице Мачабели, который построил для себя в 1936 году Берия, ставший первым секретарем ЦК КП Грузии. Дядя в это время работал первым секретарем Тифлисского горкома партии. Это была высокая должность, и Берия предложил ему квартиру в новом доме. В то время повышение в должности предполагало и улучшение бытовых условий, отказ оз-

▼ С мамой и тетей (снимок Л.Берия). Гагры. 1935

начал вызов новой Системе.

Сам Берия занимал весь третий этаж, и только туда из парадного вестибюля вела красивая деревянная лестница. Справа от этого входа на первом этаже располагалась бильярдная. Перед домом росли высокие деревья. Слева, немного в глубине, был еще один вход, он вел в две квартиры на втором этаже, где жили Гриша Арутинов, мой дядя, и Амбергий Кекелия, молодой тогда, но уже известный партработник (в 1937 году его арестовали и расстреляли). На первом этаже в одной комнате жила мать жены Берии – Дарико, веселая женщина, любившая играть на гитаре и петь.

Дом был выстроен в форме латинской буквы L. По-видимому, Берия уже тогда привлекал к строительству лучших архитекторов и художников. Конструктивизм в лучшем виде, красота и разумность решения, строгий вкус с использованием имевшихся у него возможностей.

На третьем этаже, обведенном с одной стороны большим открытым балконом, располагались спальни Берии и его жены, комната с мраморной ванной, спальня сына, его рабочий кабинет, гостиная, кабинет Берии и, что было редкостью для того времени – физкультурная комната с полным набором гимнастических снарядов, кабинет жены. Надо сказать, что при всем внимании к своей внешности Нина Теймуразовна, как и большинство жен ответственных работников, училась, много работала.

Когда я бывала у тети и дяди, о чем Берия узнавал от своей охраны, он всегда или звал меня пообедать с ним или с балкона громко спрашивал: «Ну что сегодня сказала нового твоя учительница Мария Ивановна?» Я рассказывала охотно и много о школе, о своих впечатлениях, и он, как и раньше, до школы, называл меня шутя «профессор».

Сына своего Серго воспитывал в строгости, старался дать глубокие, основательные знания. Если мой немецкий закончился детским садом, то здесь была воспитательница-немка, мальчик ходил в немецкую школу, изучал английский, занимался музыкой, спортом, никаких «гулянок».

Хозяйка дома, Нина Теймуразовна – женщина, как я уже говорила, красивая и умная, - окончила тот же, что и моя мама, Тбилисский сельскохозяйственный институт и была, кажется, биологом. Позже в Москве защитила кандидатскую диссертацию, работала в Тимирязевской академии. Как я уже писала, она любила власть, умела ею пользоваться, следила за собой и держалась с достоинством.

К обеду Берия всегда ждал гостей. Стол был накрыт. Еда готовилась в основном его родная, мингрельская: гоми стояла у каждого прибора, на первое суп – лобио, помню, иногда борщ. Все это сам Берия сильно перчил и заставлял гостей, особенно тех, кто не привык к острому, есть маленький зеленый огненный перчик. Видя испуганное, красное лицо «отпробовавшего», он удовлетворенно смеялся. К столу всегда подавали сациви. Мингрельская кухня очень привлекательна отсутствием жира и пикантными приправами.

Иногда в приготовлении пищи участвовала мать Берии – Марта. За стол мать обычно не садилась, но это было ее личным желанием. Очень набожная. Марта всегда ходила, как большинство вдовых грузинок, только в черном, с покрытой черным платком головой. Тогда для меня было необычным, что кто-то часто ходит в церковь, и «бабушка» Марта вызывала во мне тайный интерес.

Где-то в конце 40-х – начале 50-х годов в Москве в числе многочисленных тайных романов у Берии возникла связь с юной девушкой – красавицей Лялей. Она родила дочь, и Берия дал девочке имя своей матери. Маленькая Марта, став взрослой и красивой, в 70-х годах вышла замуж за сына члена Политбюро брежневской эпохи Гришина. В то время законный сын Берии еще был в ссылке вместе с матерью Ниной Теймуразовой, а сам Берия расстрелян.

Как я уже писала, в Гаграх в 30-х годах для Берии по его заказу была построена государственная дача. Эта постройка по сей день может служить примером превосходной архитектурной мысли. Современное великолепное здание простых и строгих форм; под террасой первого этажа проходила въездная дорога, идущая от ворот парка, оттуда поднимались в дом. Вход был и с первого этажа. Там на террасу выходила большая столовая с окнами до пола – «венетическими», с другой стороны террасы – две спальни для гостей с ванной и туалетом. В 1936 году в одной жили мы, а в другой Кудрявцевы с сыном Шурой – обычно Берия приглашал на лето коллег с детьми для компании сыну, но, конечно, он был всегда под присмотром Эммы. Второй этаж занимала семья хозяев.

Берия проводил свой отдых очень активно: плавание, гребля, вечером волейбол, бильярд. Дом стоял на горе, и на море мы ехали обычно на машине. Кстати, эта дача сохранилась за Берией, и когда он переехал в Москву, а после него она осталась одной из лучших госдач по удобству и по архитектуре.

На берегу – отгороженный участок пляжа, который относился только к даче, с лодками, байдарками. Там был комендант – молодой парень с маленьким сыном, которого Берия ласково звал Гамбузик.

Нина Теймуразовна, красивая, стройная, холерная, гладко причесанная, всегда приезжала на море в белом пляжном костюме. Я часто повторяюся, когда пишу о красоте жены Берии. Нина Теймуразовна всегда производила сильное впечатление. В те годы она носила длинные брюки или длинный сарафан, смазывалась на пляже ореховым маслом, чтобы загар ложился ровно. Берия в домашнем кругу был спокойным и строгим, к нам, детям, всегда относился приветливо.

Родившийся в бедной семье в глухой мингрельской деревне, рано потерявший отца, Берия рос на руках матери, которая зарабатывала шитьем. В школе он учился очень хорошо. Потом на деньги села, как лучший ученик, гордость односельчан, поехал учиться в Сухуми. По-видимому, им всегда двигало тщеславное желание выдвинуться, стать первым любой ценой. Но откуда у него были чувство красоты и хороший вкус, проявившиеся в стиле жизни, в сдержанной элегантности бытового комфорта? Я описываю так подробно быт, характер и семью Берии, потому что об этой стороне его личности я ни от кого никогда не слышала, наверное, такие его черты противоречат устоявшемуся образу. Но это все правда.

Позже, уже после развенчания Берии, узнав о его страсти к женщинам, я вспомнила, что в Гаграх в байдарке вместе со мной он подплывал к санаторию «Челюскин» и общался с отдыхающими дамами. Одну, в белой шляпе с большими полями, я запомнила хорошо.

Там же, в Гаграх, как-то раз вечером все забежали, началась суматоха, нас перевели в дом, где жил персонал, и кто-то шепотом сказал: «Едет Сталин». Он приехал с дочерью. Ее оставил с нами, детьми, а мужчины пошли с ним ужинать. В плотно зашторенных

▲ С тетей Ниной. 1948

окнах столовой главного дома была щелка, и мы, дети, стояли под окнами на улице, чтобы по очереди «посмотреть на Сталина». Светлана подсматривала вместе с нами. Тогда же я увидела главную политическую фигуру Абхазии 30-х годов Нестора Лакобу. В день приезда Сталина он тоже был в гостях у Берии. Сам Лакоба жил в Гаграх на соседнем склоне горы – вровень с дачей Берии. Дом Лакобы был постройкой времен принца Ольденбургского, который основал курорт Гагры. Сохранилось много зданий тех времен. Прелестный маленький замок с башенкой – его резиденция. Говорили, что до революции там жила то ли массажистка принца, то ли его пассия.

Лакоба был глуховат, носил слуховой аппаратик, мне он казался «важным», молчаливым, я привыкла к общительности взрослых. Хорошо помню Нестора Лакобу на его даче, играющего в бильярд – очень тогда модную игру в Грузии (помню в Телави маленький подвальчик с надписью «Бильярдная»). Эта игра была очень распространена и в среде партийных деятелей.

Те летние дни в Гаграх остались воспоминанием, как бы освещенным солнцем. Веселые, звонкие голоса отца и его друзей, темпераментные, радостные, перебивающие друг друга. Море. Теннисные корты. Звонкий стук мячей. В парке звучало радио: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось, в этот час ты призналась...»

Необыкновенно энергичные, светлые, искренние, романтически преданные идеям созидания люди встретились в начале моей жизни. Адель и Васико Дархвелидзе, Сережа Паверман, Кудрявцев и другие, все с глазами влюбленных в жизнь романтиков... Они хотели построить новый идеальный мир. Пишу о них несколько высокопарным слогом, но так получается, вероятно, потому, что их трагедия, ставшая трагедией всех нас, а, может быть, и всего человечества, еще не была тогда осознана. Они были молоды, наивны. И предательством оказалось все то, что случилось потом. «Ослепленные» идеей, они погибли от вероломного цинизма тех, кому доверяли, как братьям. Во имя равенства и братства создавая то, что должно было стать фундаментом будущего здания, они излучали особый духовный свет, отблеск которого освещает и теперь мою жизнь и память о том времени.

Нами МИКОЯН
(Окончание следует)

▲ Улица Дадияни, 22

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

К тому, чтобы открыть именно эту сололакскую страницу, подтолкнула меня сценка на улице Галактиона. Девушка спрашивает у очень пожилой, как говорится, из далекого прошлого дамы, где здесь салон. В ответ из-под старомодной шляпки хитровато блещат глаза: «Салон Смирновых-Россет?» А потом, видя вполне ожидавшееся недоумение девушки, уже вполне серьезно, с легким вздохом дама добавляет: «Салон красоты вон там, за углом, их тут полно на каждой улице...» А ведь когда-то подобный разговор был попросту невозможен. Здесьние особняки славились именно литературными салонами, в которых блистали лучшие поэты и писатели эпохи. Большая литература правила в Тифлисе бал, как и в лучших домах Петербурга, Москвы, Парижа.

Кстати, именно с Парижа все и началось. С Парижа и с Прекрасной Дамы. То есть, как всегда, «шерше ля фам»! Первый такой салон создала в XVII веке Катрин де Вивон, придворная Марии Медичи. Ее, супругу маркиза де Рамбуи, прекрасно знавшую несколько языков и европейскую литературу (как это перекликается с уже встречавшимися нам тифлисскими красавицами!), слабое здоровье лишает возможности участвовать в жизни монаршего окружения. И мадам переносит часть светского общества в свой особняк недалеко от Лувра. Так, в 1617 году, рождается интеллектуальный салон (на французском *salon* – гостиная, комната для приемов). Хозяйка подбирает гостей в соответствии со своими интересами, благо, салон оторван от королевского двора и можно не

отдавать дань условностям социального происхождения и имущественного положения. Гости вечеров – поэты, философы, музыканты, но беседы ведутся, в основном, на литературные темы. А о чем еще могут говорить Корнель, Мольер и члены Французской Академии, занимающиеся реформированием французского языка? Ну, а в центре внимания, обязательно, – очередной приглашенный гений. И пошло, поехало по Европе... Причем, хозяйки салонов – *saloniere* – обретают солидный авторитет в «свете», их взгляды и оценки создают моду не только на стиль одежды, но и на произведения литературы и искусства.

Вы можете удивиться: а с чего это здесь уделено столько места всей этой «салонной» истории? Очень просто – и весь Тифлис, и его старинный район в часы досуга всегда ставили (и ставят!) во главу угла наслаждение красотой, песнями, стихами, застольной беседой. А все это, практически, и было смыслом салонов, которые самым естественным образом «пере-

▲ Григорий Розен

селились» в Грузию, «прихватив» из России примечательную традицию – большинство «салонье» уже не женщины, а мужчины. Впрочем, сегодняшним многочисленным защитникам прав женщин не стоит особо возмущаться. Ведь на предыдущих страницах мы уже видели салоны Маико Орбелиани и Прасковьи Ахвердовой в первой половине XIX века, в середине того же столетия блистал салон Мананы Орбелиани. Тот самый, который попал в «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. И в котором зародилась идея создания первого тифлисского грузинского театра. Но во многих салонах которые просуществовали в городе на протяжении всего XIX века, *saloniere* были мужчины – Мамия Гуриели, Григорий и Александр Орбелиани, Давид Дадиани и, конечно же, Александр Чавчавадзе... Все они – литераторы, что и определяет основной характер вечеров, собиравших грузинскую и русскую интеллигенцию. Но и в их домах во многом правят бал красавицы-родственницы, при которых гости становятся тоньше и любезнее. И ради прелестного взгляда

которых звучат стихи и музыка, рождаются импровизации.

Да что там писатели и эмансипированные красавицы! Давайте, заглянем в дом самого командира Отдельного Кавказского Корпуса, главноуправляющего гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области барона Григория Розена. Вот, что свидетельствует в 1833 году французский ученый и путешественник Фредерик Дюбуа де Монтере: «Дом генерал-губернатора был по праву центром дел, так же, как и отдыха. Он задавал тон. В течение всей зимы каждое воскресенье здесь бывали приемы, игры, беседы, ужины. Здесь всегда встречались люди, с которыми хотелось поговорить». Более того, мсье де Монтере, сравнивая дом Розена с салонами Парижа, просто восхищен тем, что среди «вполне европейского общества» достойное место занимают представители грузинской аристократии. А где же стоял столь замечательный дом? Слово – офицеру и дипломату, писателю и разведчику, участнику Кавказской войны Федору Торнау: «...У подошвы горы Св. Давида. Большой двухэтажный дом, снабженный рядом арок и колоннадой над ними во всю длину главного фронта, с боковым фасом, поднимавшимся в гору уступами, и обширным садом... В стенах этого дома помещались все генералы, командовавшие на Кавказе... Все они строили и пристраивали, меняли и охорашивали...» Конечно же, вы догадались: это здание коренные тбилисцы все еще называют «дворцом наместника» или «дворцом пионеров», хотя теперь, официально, здесь Дворец учащейся молодежи. От него и уходит в гору район Сололаки...

Ну, а если таков начальник, то разве могут быть иными его подчиненные – русская молодежь, неожиданно для себя оказавшаяся в среде просвещенных грузинских ровесников и очаровательных дам? Вот и проходят литературные вечера в доме писателя Николая Титова, служащего при штабе Отдельного Кавказского корпуса, музыкальные – у ординарца корпусного командира графа Девиера... И в этих салонах, и в домах тифлисцев рядом с грузинскими поэтами Александром Чавчавадзе, Григолом Орбелиани, Николозом Бараташвили, философом Соло-

▼ В.Тимм. «Дом командира Кавказского корпуса». 30-е гг. XIX в.

▲ З.Валишевский. «Мелита Чолокашвили». 20-е гг. XX в.

моном Додашвили и многими другими – ссыльные декабристы Александр Одоевский, братья Павел и Александр Бестужевы, Александр Корнилович, Павел Нарышкин, Петр Коновницын, Валериан Голицын, Павел Каменский... В общем, в 1830-х годах Торнау делает заключение, что тифлисское общество «очень разбогатело людьми, с которыми приятно было жить». Через полтора десятка лет ему вторит не кто иной, как граф Лев Толстой: «Тифлис – цивилизованный город, подражающий Петербургу, ... общество избранное и большое».

И душа этого общества – столь славные тифлисские салоны, «приют муз и красоты». Судя по многочисленным воспоминаниям, они не только не уступали петербургским и московским, но были еще и... более теплыми, что ли? Может, и не ярче светили лампы, но оживленнее звучал смех, жарче разгорались споры...

Однако век XIX близится к концу и, постепенно, салоны, атмосфера которых определялась личностью хозяина, его семейными связями, положением в обществе, уходят в прошлое. На дворе – начало прошлого столетия. Центр литературной жизни перемещается в более профессиональные объединения, которые, как правило, имеют устав, регламентирующий входящих в них литераторов – различные сообщества, кружки, студии, объединившие творческих людей по взглядам. Грузинская интеллигенция по-прежнему ориентируется на интеллектуальную жизнь России. А в той правят бал Серебряный век и всевозможные «измы». Которые просто не могут не взойти и на тифлисской почве, когда в Грузию хлынули, спасаясь от победивших большевиков, русские поэты, художники, актеры. И с 1917-го по 1921-й столица Грузии становится не только очагом русской культуры за пределами России, но и общеевропейским культурным центром. Эпитет «Тифлис – маленький Париж» звучал

тогда на каждом шагу, и именно Париж затем принял у этого города эстафету, приютив цвет российской эмиграции. Да и Берлин с Харбином сделают то же самое, уже после Тифлиса.

Двери тифлисских домов и подвальных комнат распахиваются перед Искусством! В единственной комнате «Фантастического кабачка» на Головинском проспекте №12 собирается до 50 человек, в соседнем доме – «Ладья аргонавтов», в студии пианиста Бендицкого на улице Чавчавадзе №3 – «Павлиний хвост», в здании нынешнего Театра Руставели – «Химериони»... А еще были «Братское утешение», «Медный котел» и прочая, прочая, прочая. Конечно, это не салоны в прежнем понятии. Артистические кафе и клубы, где вход – платный, и нет единого хозяина, собирают и символистов, и акмеистов, и футуристов, и всех, кто не причисляет себя ни к одному литературному течению. Тифлис рад всем! На сценах кафе и студий, за столами ресторанчиков и у ног красавиц – Сергей Судейкин и Ладо Гудиашвили, Николай Евреинов и Кара Дарвиш, Осип Мандельштам и Паоло Яшвили, Василий Каменский и Тициан Табидзе, Игорь Терентьев и Григол Робакидзе, Алексей Крученых и Илья Зданевич, Савелий Сорин и Александр Бажбеук-Меликов, Сергей Городецкий и Зига Валишевский...

А в городе, как всегда, немало поэтических женщин, унаследовавших славные традиции прошлых лет – гостей принимают и салоны в «чистом виде», где хозяйками блистают Мелита Чолокашвили, Тамара Канчели, Мэри Шервашидзе... Члены кружка «Медный котел» несколько раз собираются у Софьи Меликовой, а в доме княгини Елизаветы Эристовой царят не только литература, но и теософия, включающая даже сеансы с медиумом. Вносят свою богемную лепту и приезжие дамы. Так, на вечерах в квартире Нимфы Бел-конь-Любомирской на стол к ужину обязательно подают... глыбу льда, в которой заморозены

▼ Нимфа Бел-конь-Любомирская

алые розы. Вообще-то, хозяйка квартиры – никакая не Нимфа, а Анна Городецкая, урожденная Козельская, жена основателя «Тифлисского цеха поэтов» Сергея Городецкого. Но раз, уж, выбран столь уникально-пышный псевдоним, приходится ему соответствовать: лед разбивается топориком, и розы, к всеобщему восторгу, раздаются гостям-поэтессам...

Об этой золотой для Тифлиса поре написаны тома воспоминаний и исследований, поэтому не будем повторяться, а обратим внимание на то, какие новые значения обретает слово «салон». В словарях уже значится «устаревшим» понятие «литературно-художественный или политический кружок избранных лиц, собирающийся в частном доме». Зато вполне современны «помещение для выставок, магазин художественных изделий, ателье, парикмахерская», а также «внутреннее помещение судна для пассажиров». Что ж, господа, когда меняется эпоха, наивно ждать, что поменяется только смысл слов. Двадцатый век, принесший желание стричь всех под одну гребенку не только в салонах парикмахерских, вынуждал многих заполнять салоны пароходов, уходящих в дальние края. Вот так, из салона судна, приплывшего «не туда», попадают в Тифлис знаменитый художник Сергей Судейкин и его очаровательная супруга Вера. В апреле 1919-го они отправились из Ялты в Константинополь, чтобы оттуда добраться до Франции. Но все происходит прямо по Шекспиру – судно попадает в бурю, теряет курс и вместо турецких берегов оказывается у грузинских. Но не стоит говорить, что Судейкиным не повезло – они оказались в «тифлиском Серебряном веке». И Вера Артуровна стала хозяйкой еще одного салона. Он имеет самое непосредственное отношение к Соллолаки – недолго прожив в подвальной на Грибоедовской, Судейкины затем принимали гостей в доме №22 на Вельяминовской улице, ныне – Шалвы Дадиани. И именно здесь уникальным тифлиским циклом пополняются начатые ею за три года до этого дневник и альбом, который так и вошел в историю литературы под названием «салонный». Откроем его и погрузимся в удивительный мир, объединивший замечательнейших представителей русской и грузинской культур.

Автографы, стихи, рисунки, нотные записи, фотографии... Многие из них созданы специально для этого альбома и посвящены хозяйке. Руке Ладо Гудиашвили принадлежат зарисовки из жизни кафе «Химериони». Тицян Табидзе – первый, с кем Судейкин подружился в Тифлисе – вписал на грузинском стихотворение «Автопортрет». В нем, в переводе Бориса Пастернака, есть такие строки: «Профиль Уайльда. Инфанту невинную/ В раме зеркала вижу в гостиной./ Эти плечи под пелериною/ Я целую и не остыну...» Другой «голубороговец» Григол Робакидзе записал на русском языке стихотворение «Офорт» - отклик на театральные декорации Судейкина: «Дремотный сон в золе томлений./ Струи червонных тяжких кос./ И рдеют белые колени/ На лоне бледных смятых роз...» Здесь же – три стиха человека, собиравшегося стреляться с Робакидзе из-за... спора, можно ли рифмовать «астра-карта». Это – экономист и литератор, тифлисская адепт фрейдизма Георгий Харазов. Знавший Судейкиных еще по петроградской «Бродячей собаке» Илья Зданевич прямо на Вельяминовской сочинил и записал заумный футуристический стих. Еще одному питерскому знакомому Судейкиных, одному из основателей в Тифлисе «Фантастического кабачка» и «Цеха поэтов» Юрию

▲ С.Судейкин. «Портрет Веры Судейкиной». 1921

Дегену отведены целых три страницы. В стихотворении «Карнавал» Деген, расстрелянный через год, пишет пророческое: «Очнитесь, маски! Поздно будет.../ Кончается веселый сон./ Порвется сердце как пистон,/ И к жизни смерть вас всех разбудит».

Присутствуют в альбоме и два друга – режиссер, драматург Николай Евреинов и Василий Каменский, стихи которого хозяйка салона не раз декламировала на сцене. Судейкин зарисовал их обоих, а Каменский сделал шутовское посвящение его жене. Рядом – графический автопортрет выдающегося скульптора Якоба Николадзе. Кирилл Зданевич представляет цветную кубофутуристическую композицию, а Зига Валишевский – акварельный эскиз плаката на тему цирка: «Наездница Маруся». Сергей Городецкий преподнес Судейкиным стихи и зарисовки о посещениях ими Баку, а Василий Катанян – будущий супруг Лили Брик и биограф Маяковского – занял двумя стихотворениями два листа. Оставили свои «следы» поэт, драматург Сергей Рафалович, вместе с Судейкиными бежавший из Петрограда, поэт-футурист, художник Игорь Терентьев и местная молодежь – в будущем писатель-фантаст Юрий Долгушин, забытый ныне футурист Александр Чачиков, он же – Сандро Чачикашвили, поэт Георгий Евангулов...

Вот такие удивительные послания с «тифлисского Парнаса» начала XX века. Эпохи, в которой служители российских муз, разными путями оказавшиеся в Грузии, жили одной с местными творцами судьбой. И которая закончилась в 1921-м, с приходом Красной Армии. После этого литературно-художественных салонов, в их исконном понимании, мы уже не встретим в Тбилиси на протяжении целых семи десятилетий. Были союзы и объединения под бдительным оком государства, а салонный век, казалось, канул в небытие. Да и самому слову «салонное» кухарки, при-

▲ Глеб Коренецкий

шедшие управлять государством, придали уничижительный, чуть ли ругательный оттенок. Мол, это нечто внешне красивое, но поверхностное, жеманное, даже пошленькое. А ведь главные отличия литературного салона – тепло и радушие дома, хозяин, собравший друзей, лампа, в свете которой звучат рифмы – так необходимы человеку в самые разные эпохи! Именно поэтому в разгар советского застоя всех приезжавших в Грузию русских литераторов принимал на сололакской улице Галактиона самый настоящий, возникший вопреки жесткому надзору, салон Эллы Маркман, с который мы уже встречались на предыдущих страницах. Располагался он, в полуподвальной комнате, но отнюдь не из-за богемной традиции – для женщины, более 8 лет проведенной в ГУЛАГе, другого жилища не нашлось...

Вообще-то, и в наше время некоторые поэты относятся к салонам настороженно. Вот мнение живущего в Монреале Бахыта Кенжеева: «Если ЛИТО (литературное объединение – В.Г.) - школа для молодых поэтов и площадка для единомышленников, то салон – дело другое... Там, если я не ошибаюсь, упор на выступления, то есть учебный момент отсутствует». Ему вторит из Нью-Йорка Андрей Грицман: «Литературные салоны, как правило, зациклены на себе и своем локальном литературном процессе». Возможно, они правы. Но удивительное дело: когда, в очередной раз, возвращаются смутные времена, особенно острой становится потребность в уютном доме, где собираются единомышленники, где внимательно выслушают и разберут новые стихи. В тяжелейших для тбилисцев 90-х годах прошлого века противовесом хаосу и стрельбе, холоду и внезапным отъездам друзей мог стать только дом. Вспомним Михаила Булгакова: «Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен». Вспомним Василия Розанова: «Вечное дано нам только в повседневном... в «паутинках быта», в пространстве дома». И тбилисские литера-

торы находят такой дом. Он – опять в Сололаки, на улице Мачабели, 9.

«...Жизнь становилась очень трудной... Было холодно, как никогда в Тифлисе... Сидели вокруг печурок закутанные люди и читали стихи. Электричество тухло ежеминутно, а если и горело, то читать при нем было невозможно. Появились керосиновые лампы. Голод и холод остановил эту деятельность». Так и кажется, что Мелита Чолокашвили описывает не последние дни «Цеха поэтов» в начале 1920-х, а то, что происходило в 1990-х в квартире действительного члена «Союза потомков Российского Дворянства – Российского Дворянского Собрания» Глеба Коренецкого. Этот физик, пишущий стихи и переводящий грузинских поэтов, с 1995 года, создав кружок «Музыка слова», собирал в своей квартире практически всех, пишущих в Тбилиси на русском языке. В отличие от «Цеха поэтов», голод и холод не остановили деятельность «Музыки слова». На «орбите» этого кружка-салона объединились в не легкие годы более 70 человек. Здесь они издавали свои первые книжки, отсюда многие стартовали к литературным премиям и признанию читателей. А России «Музыка слова» подарила шеф-редактора отдела поэзии «Литературной газеты» Игоря Панина.

Я встречаю Глеба Коренецкого на сололакских улицах почти каждый день. Ему уже 85 лет, «птенцы гнезда» его разлетелись, а он так решительно смотрит вперед, что кажется: созревает очередная автографическая книга. Их уже около 30-ти – отпечатанных на машинке, оформленных и размноженных на ксероксе. Кстати, мы часто проходим с ним мимо дома на улице Леонидзе (бывшая Кирова), где еще одна подвижница – Жанна Волинова собирает членов общества «Реликвия». По разным знаменательным датам приходят к ней люди, не утратившие тягу к творчеству. Проводят конкурсы, посвященные любимым русским поэтам, получают любовно изготовленные грамоты. Чем не салон, правда, без именитых гостей? Пусть простят меня не попавшие на эту страницу друзья из тбилисских поэтических объединений и ассоциаций. Но мы ведь заглядываем лишь в литературные салоны, которых так немного...

Ох, как мне хотелось бы, дорогие читатели, предложить вам войти в дом №22 на улице, которую коренные горожане и сейчас называют не иначе, как Вельяминовской. И не только потому, что туда, к Судейкиным, приходили такие замечательные люди. Это был один из красивейших особняков района. Но, увы, сегодня в него не попасть – старинная ограда заперта на замок, а двери забиты. Уникальное здание годами рушилось буквально на глазах сололакцев. И сейчас, глядя пустыми глазницами окон, за которыми не потолок, а небо, оно ждет решения своей участи. А салон находится всего лишь через четыре дома. И, конечно же, это салон красоты, то есть, одна из парикмахерских, заполонивших окрестные улицы. На небольшом сололакском пятачке – еще три таких безымянных, среди других оригинальностью названия привлекает «Пикассо» (интересно, ориентируясь на какие рисунки, там делают прически?). Остальные – «Максима», Fashion style (с упавшей буквой F), «Ира», «Стиль», «Анно», Max style и, конечно «Сололаки». Есть и массажный салон (в хорошем понимании слова).

Прямо скажем, далеко все это от «Павлиньего хвоста» и «Медного котла». Но, каково время, таковы и салоны – по содержанию и по названиям...

Владимир ГОЛОВИН

СЕМИОТИКА ПО-ГРИБОЕДОВСКИ

Гроза относится к одним из самых опасных для человека природных явлений. По количеству зарегистрированных смертных случаев только наводнения приводят к большим людским потерям.

ГОД РУССКОЙ КЛАССИКИ

Впервые на сцене Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова представлена «Гроза» Александра Островского.

«167-ой сезон в нашем театре объявлен годом русской классики, это закономерно. Мне кажется, русский театр в Грузии должен все время заниматься русской классикой, ведь его призвание – пропагандировать русскую культуру», - сказал перед премьерой худрук театра Автандил Варсимашвили.

«Гроза» - архисложная пьеса. У нее огромные традиции постановок в мировом театре. Но неизменная актуальность произведения завставила режиссера-постановщика, художника и автора музыкального оформления спектакля Вахтанга Николава взяться за эту сложную работу. Ведь, как сказал Питер Брук – нет старых или новых тем, есть то, что сегодня нужно зрителю.

«Островский изначально дает нам установку, что городка, где описываются события, в принципе не существует. Калинов – это придуманный городок на Волге. Почему автор дает такой символ? Потому что общество, которое там живет, находится в определенном кризисе: психологическом, социальном, где любовь умирает, вместо всепасающей становится самоубийственной. Я думаю, в пьесе заложено некоторое апокалиптическое настроение. В обществе с такими жесткими устоями и законами происходит уничтожение личности», - говорит режиссер.

ИХ ДУША ХОЛОДНА . . .

В спектакле не только Катерина, но и все остальные герои находятся в кризисе.

Кабаниха – Ирина Мегвинетухуцеси – вполне еще молодая купеческая вдова. Женщина любящая, но слишком сильная. Под конец спектакля начинаешь думать, что заставляя, приказывая, принуждая Кабаниха по-своему хочет уберечь Катерину и сына от надвигающейся трагедии. Через нее конфликт переплетается в причудливую смесь православия и язычества. Любить Бога или бояться? Конечно, любить, скажете вы. Но любовь здесь не живет. По словам режиссера, это актуально и сегодня, в обществе, где за правило принято не брать на себя ответственность.

Савел Прокофьевич Дикой, купец, значительное лицо в городе. Вряд ли можно было представить, что из Дикого получится полукомический персонаж. Но Михаил Арджеванидзе и это может. Больше всего запоминается блестящая сцена Кабанихи и Дикого. Они одного поля ягоды, понимают друг друга с полувзгляда. И здесь, в импровизированной исповеди Дикого Кабаниха видит себя. И плачет. Но изменить ничего не может.

В Борисе Григорьевиче в исполнении Арчила Бараташвили есть что-то европейское, почти французское. Он сам признается Кулигину – «загнан, обычаев ваших я не понимаю, да еще и влюбился сдуру». Именно сдуру. Для него нет в этой любви спасения и быть не может. А Катерину надуманная любовь к человеку, ко-

▲ Сцены из спектакля «Гроза»

торый сам не знает, чего хочет, приводит к катастрофе.

Другая Варвара (Анна Арутюнян) - маленькая, юркая, приспособившаяся жить в этом аду. Самой яркой и безусловно самой кассовой стала любовная сцена Варвары и Ваньки Кудряша. Его тонко и пронзительно исполняет Василий Габашвили. Но увы, даже здесь любовная сцена, разыгранная на пне, представляющем собой не что иное, как эшафот с прикрепленным к нему топором – это тоже крик отчаяния, попытка сбежать от безысходности.

Варвара сочувствует Катерине, старается ей помочь. А ведь в глубине души и она хотела бы улететь. Интересно решена сцена с одним из самых знаменитых в русской литературе монологов. Только у Николая это не монолог, а переключка двух бескрылых птиц. «Отчего люди не летают?» - вопрошают Катерина и Варвара, и сыплют на сцену опилки – то, что осталось от разбившихся надежд.

Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле, он же Олег Мчедлишвили. В условиях Калинова это никем не понятый человек, все чаще прикладывающийся к бутылке. Кулигин в финале спектакля забирается на сооруженный им же громоствод и с горечью наблюдает трагедию, разыгрывающуюся в доме Кабановых. Он свысока, несколько отстраненно (и это тоже символично) смотрит на события. Он сопереживает, но и он поделать ничего не может.

Удалой Шапкин получился у Дмитрия Спорышева.

Среди женских ролей самыми приметными можно назвать Глашу и Феклушу. Глаша, девка в доме Кабановой, - теперь уже наверняка характерная Нина Калатозишвили. Она, плутовка, привороживает, за что обрушивает на себя гнев Кабанихи. Хороша Калатозишвили и в сцене с простынями. Очень неожиданно было увидеть в роли странницы Феклуши молодую актрису Нину Нинидзе. Созданный ею образ слепой юрковой на-

столько убедителен, что иногда по телу бегут мурашки.

Еще один символический образ рисует заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили. Ее барыня, чудная, полусумасшедшая, ходит с игральными костями и пророчит конец света. Именно в ее уста вложил режиссер едва ли не главную фразу в спектакле: «Последние времена, будто время короче стало». Предчувствие катастрофы, невозможности жить по-старому тревожит. Ведь недаром говорится - что непонятно, то плохо.

ТИХОН + КАТЕРИНА = ЛЮБОВЬ

Перед спектаклем София Ломджария, исполнительница главной роли, говорит: «Я очень боюсь сыграть плохую Катерину». Напрасно боялась. Такую Софу мы давно не видели. Актриса играет с надрывом, искренне, всей душой понимая свою героиню. «Она ищет выход в чем-то, говорит, что хотела бы улететь. К сожалению, находит его в надуманной любви. Катерина влюбляется в человека, с которым практически не знакома. Те качества, которые, ей кажется, у него есть, она сама придумывает. Такая любовь, конечно же, приносит разочарование. Она любит его искренне и страстно, но не знает, какой он человек, и в конце концов разочаровывается», - говорит София Ломджария.

Это вполне современная история, которая может случиться в любой семье. Но. Вряд ли сегодня современной Катерине придет в голову броситься в омут. Сегодня все может решиться гораздо проще. Но режиссер преподносит нам эту историю шемяще-грустной. Ему удалось уйти от школьной хрестоматийности, и хотя трактовка вполне классическая, образы актеров получились выпуклыми, живыми и настоящими.

Здесь нет противопоставления Катерины и темного

царства. Все без исключения пытаются вырваться из темноты. Но никто не может отказаться от своих принципов. И это борьба с самим собой, а чаще – с ветряными мельницами, теряет смысл и делает людей злыми. Безысходность правит этим царством. Это спектакль об одиночестве, которое разъедает душу.

Тихон + Катерина = ? Почему у них не получилось? Ведь и Тихон всем хорош (здесь фактура и обаяние Ваню Курасбедиани работают на все сто), и вроде не глуп, и любить умеет. Но нет, никому не суждено вырваться из этого омута. И даже признавшись мужу в измене, Катерина вместо наказания и презрения слышит от Тихона: «Я люблю тебя, Катя!» Вот оно - прощение вместо заслуженного наказания. Но великодушие неподъемно.

ДУЛО К ВИСКУ РЕЖИССЕРА

Грибоедовская «Гроза» - это не просто интересно и динамично. Это визуально красиво. Интересна сценография. Впервые играли без боковой кулисы. Впервые использован специальный половик из мешковины. Пространство сцены продумано до мельчайших подробностей. Музыка аутентичная, старорусская. Здесь бушуют стихии – и огонь, и вода. А театральная гроза сделана из стратоскопов.

Ваханг Николава много и часто работает с символами. Он любит эту стилистику, и она, надо признать, получается у него отлично. У него совсем как по Станиславскому: «Символ должен возникать случайно, его нарочно не выдумашь. Выдуманный символ есть ребус, а не символ». В этом спектакле все продумано настолько тщательно, настолько глубоко, что вся эта символическая ненарочитость и случайность возникает сама по себе, как логический результат. Белые простыни – как символ супружеской измены, деревянный пень, как плаха, опилки, как земная пыль, крест с ведром, как синтез старого и нового, несочетаемого. Еще только задумывая спектакль, режиссер стремился к созданию духа ритуальности, первоисточности, противопоставления христианского и языческого. Домострой во всей красе демонстрирует Кабаниха – она часто молится, но это показное. Ей милее старые обряды и традиции. Взять хотя бы сцену с мытьем ног. Тихона, уезжающего в Москву по делам, Кабаниха буквально заставляет сына приказать Катерине, как ей жить в свое отсутствие. Тихон не видит в этом никакой необходимости, но смиряется с материнской волей.

«Они все нормальные люди, проблема в том, что они не могут отказаться от своих принципов, устоев и борются против чего-то, подчас несуществующего», - выносит свой вердикт режиссер.

Главный в театре режиссер. А кто же еще? За режиссером Вахангом Николава наблюдать всегда интересно. Он, с большой долей артистизма, всегда разный. То деспотичный и крикливый, но ласковый и мягкий, то веселый, то серьезный, а то и вовсе просто уставший человек. Что-то, а работа проделана поистине титаническая. Говорю без преувеличения. Интересно было наблюдать за Вахом в последние дни перед премьерой. «Гроза» - это тот спектакль, после которого у него появилась первая седина. Но, что делает его настоящим режиссером – так это стремление покорить еще большую вершину. После русской классики он решил замахнуться на древнегреческую трагедию. И опыт этот обещает стать крайне любопытным.

У него тот случай, когда профессиональный актер

стал хорошим режиссером.

Вахо Николава – режиссер, которому вкусно ставить спектакли. Но будучи актером, он всегда знает, как нужно играть. При этом всегда оставляет за актером право играть по-своему.

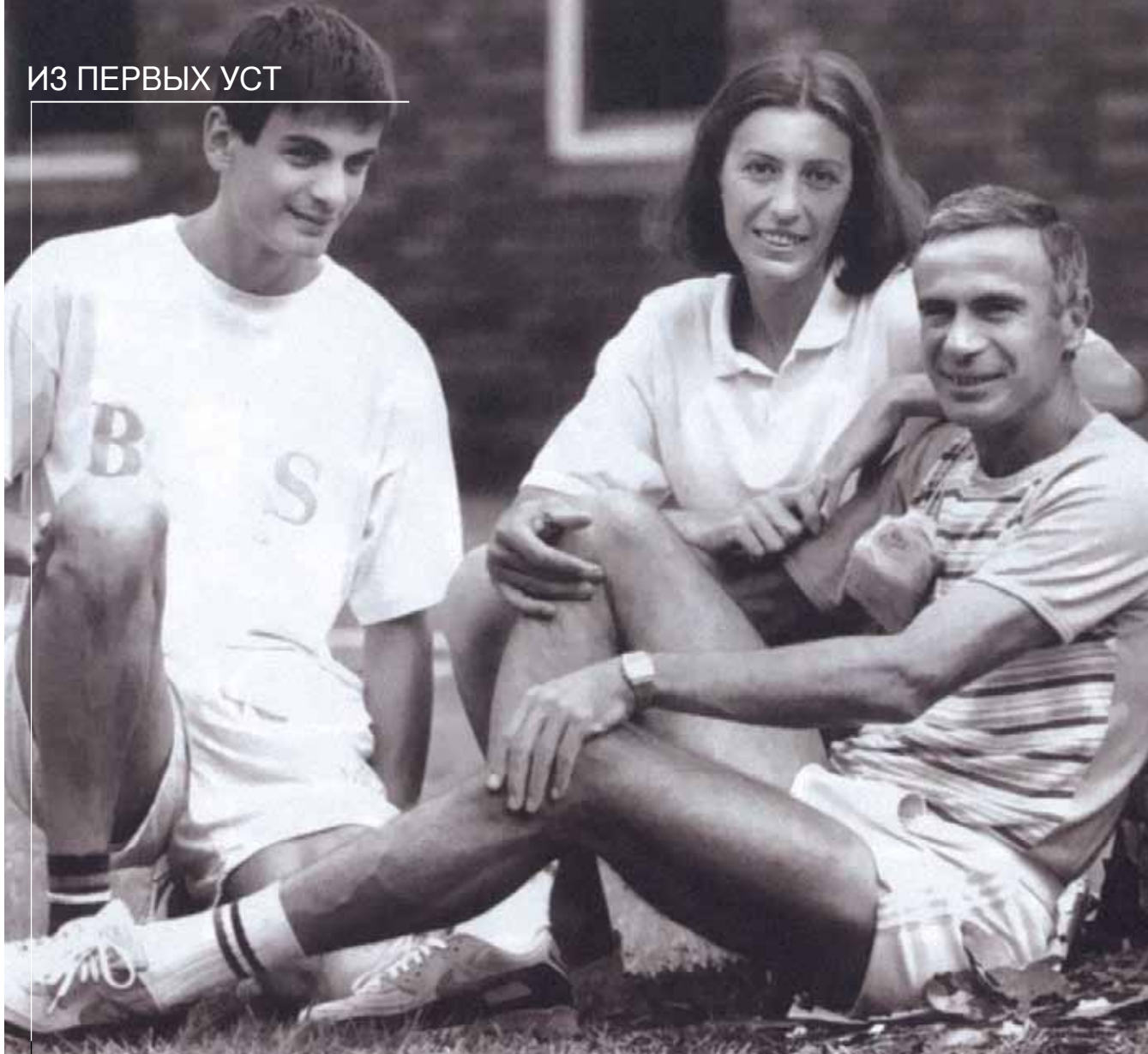
Вот интересно, где черта, после которой молодой талантливый режиссер становится просто режиссером. Взрослым. Зависит ли это от количества поставленных спектаклей? Или от какой-то внутренней работы, которая в каждом происходит за разное количество времени? Пожалуй, решение быть режиссером подразумевает больше ответственности. В данном случае – сам уровень ответственности другой. Это уже не попытка, но вслух, в полный голос сказанное. Подкупает в нем и то, что он, в отличие от многих своих коллег-ровесников, всегда знает о пьесе, о драматургии, об эпохе. Он – человек думающий и ищущий. Ему всегда важен контекст.

Ну, и финал. Переделанный на самых последних репетициях. Смерть Катерины показана символично. Она читает монолог, разувается и уходит. А пришедшая вслед за ней странница Феклуша забирает ее обувь. И душу. Смотрит на это все происходящее забравшийся на громоотвод Кулигин. Кабаниха продолжает читать наставления. От отчаяния Тихон бьет молотком по железной доске, выполняющую роль набата. Ветер приносит сухие листья, и задувает свечу.

И все повторяется. Неизменно. И в этом самая большая трагедия.

Пожалуй, главное, что показал и доказал зрителям Ваханг Николава – классика может и должна быть современной.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

▲ Виктор Санеев в кругу семьи

А ВЫ ТРОЙНЫМ ЛЕТАТЬ МОГЛИ БЫ?

- А вы знаете, что появился какой-то Виктор Санеев из Сухуми? Участвует в чемпионате Грузии по легкой атлетике. Не из ваших ли? - спросил Виталий Таран у своей жены Юли и ее сестры Зины. О том, что происходит в мире королевы спорта, им всем было известно не понаслышке – Зинаида Санеева занималась пятиборьем, Виталий и Юлия толкали ядро и метали диск. Но на этот раз растерялись все...

Это был февраль 1963 года. В Тбилиси прошел юношеский чемпионат, на котором семнадцатилетний сухумчанин-перворазрядник стал чемпионом в трех видах – беге на 100 метров, прыжках в длину и тройном. К тому же установил новый рекорд Грузии среди юношей в тройном – 14 м 88 см.

Слова Виталия взволновали сестер. Их отец, Иван, часто вспоминал, что в Сухуми живет его брат Данила, рассказывал, как в страшные годы разрухи они покинули станицу Сенгелеевская, что под Армавиром, спасаясь от голода. Родители Зины и Юли оказались в Тбилиси, а Данила с женой уехал в Сухуми. Пути братьев разошлись. Вот бы отыскать друг друга, встретиться...

Да только как? Страна жила тяжело и очень бедно. Возможности разъезжать по городам и весям в поисках родственников просто не было.

Так кто этот Виктор Санеев? Брат или однофамилец? Решили обратиться к тренеру сборной Сухуми Акопу Керселяну. Задали три вопроса о его подопечном. Его семья из Ставропольского края? Отца зовут Данила? Маму – Ксения? На все вопросы был получен утвердительный ответ, и вот уже Акоп Самвелович знакомит сестер с Виктором. В этот же день отправились к тбилиским Санеевым в гости. Переступив порог дома, Виктор замер – он увидел Санеева-старшего и, еле сдерживая дрожь в голосе, сказал: «Вы мой дядя! Потому что вы точная копия моего отца». Настолько велико было сходство...

Вспоминая об этой встрече, Зинаида Ивановна и сегодня не может сдержать слез. Тогда ей было 22 года, Виктору – 17. Они встретились впервые, чтобы больше никогда не потерять друг друга.

Зина, уже получившая высшее экономическое образование, собиралась уходить из спорта, а Виктор был

только в начале пути.

Он родился в Сухуми, и этот город остался для него на всю жизнь родным – город детства, и этим все сказано.

Время было послевоенное, и Санеевы, как и многие другие, жили впроголодь. Отца болезнью приковало к постели, мать разрывалась между домашними заботами и тяжелой работой.

Директор сухумской школы, где учился Витя Санеев, Таисия Петровна Малыгина каким-то образом разглядела в нем будущего спортсмена. Именно она привела Витю к тренеру Акопу Керселяну и попросила взять мальчика в группу легкой атлетики. Начались тренировки, и в 11 лет Санеев прыгнул в длину на 4 м 30 см – это и есть его первый официальный спортивный результат. Но все-таки легкая атлетика оставалась на втором плане. В своей книге «Ступени к пьедесталу» Виктор Санеев вспоминал: «Я тогда был предан футболу и без него не мыслил жизни. Да и какой мальчишка в Грузии не увлекается этой игрой? Была, правда, одна трудность: у нас – дворовых футболистов – вечно не хватало мячей. Конечно, их до некоторой степени заменяли консервные банки или старые чулки, набитые тряпьем, но заполучить настоящий мяч было вечной мечтой. Путь к осуществлению этой мечты был не совсем праведный, но единственный. Мы располагались за забором стадиона и терпеливо ждали, пока мяч не залетит к нам. Он сразу передавался стоящим наготове ребятам, которые быстренько заносили его в ближайший двор. Остальные как ни в чем не бывало продолжали играть у забора, и, когда над ним появлялась голова футболиста, вопрошающего, куда подевался мяч, мы, глядя на него кристально чистыми глазами, дружно отвечали, что ни о каком мяче не имеем ни малейшего понятия. Ясно, что футболисты нам ни капельки не верили, но мячи были у них казенные, и дальше суровых обещаний дело не заходило... Иногда, когда стадион пустовал, нам удавалось проникнуть на поле, и мы устраивали настоящие футбольные матчи. В то время одним из моих приятелей был Арчил Еркомаишвили, быстрый и верткий парень. Мы с ним составляли сдвоенный центр нападения (Пеле и Вава из сборной Бразилии сделали это на два года позже!) и были грозой вратарей. А поскольку я частенько не мог пойти на занятия легкоатлетов из-за затянувшегося матча (нельзя же, в самом деле, бросить команду при критическом счете 12:12), то и успехи мои в легкой атлетике не радовали тренера».

Впрочем, тренировки долго не продлились. Виктору пришлось переехать в Гантиади и продолжить учебу в школе-интернате. Это решение далось тяжело, но было вынужденным – уход за парализованным Данилой Санеевым требовал от матери Виктора всего свободного времени.

В интернате Санеев продолжил играть в футбол. Играл на левом крае и видел себя в будущем вторым Михаилом Месхи. Однако интернат располагался недалеко от спортивной базы поселка Леселидзе, излюбленного места сборов ведущих спортсменов Советского Союза. Санеев воочию наблюдал за тренировками легендарных легкоатлетов Валерия Брумеля, Роберта Шавлакадзе, Игоря Тер-Ованесяна и видел, каким трудом они добиваются результатов. «Помню, какое впечатление произвела на меня в 1961 году тренировка Валерия Брумеля – лучшего в то время прыгуна мира, - рассказывал Санеев. - Каких только упражнений не выполнял он с тяжелой штангой!

Всевозможные прыжки, бег, ходьба выпадами, приседания, повороты, наклоны. Особенно поразили его приседания со штангой. Снаряд с почти полным набором дисков весил, наверное, килограммов 170-180! Мог ли я тогда думать, что когда-нибудь и сам смогу также легко присесть с этим, казавшимся таким огромным весом?!»

И как поступил школьник Витя Санеев? Не откладывая дела в долгий ящик, он соорудил себе штангу из стальной трубы и двух колес и начал тренироваться – ежедневно, без усталости.

Вернувшись в Сухуми, Виктор возобновил тренировки с Керселяном, хотя времени и сил на занятия было немного – после окончания школы он устроился на завод, шлифовал утюги. Уставал так, что с трудом добирался до стадиона. Но на занятиях Керселяна понемногу оживал. И легкая атлетика в конце концов победила. «Тройной привлек меня ощущением полета», - объяснял впоследствии Санеев. Хотя стоит подчеркнуть, что тройной прыжок стоит особняком в легкой атлетике. Разбег, три толчка ногой – скачок, шаг, прыжок, и каждый давлением до 900 килограммов! Известен случай, когда у Санеева оторвалась подошва, настолько глубоко шипы вонзились в планку при толчке.

Перворазрядником Виктор Санеев стал в 1963 году. На Всесоюзной спартакиаде школьников в Волгограде он занял третье место, и это стало для него большим ударом, можно сказать – потрясением. Он очень хотел победить. За двадцать минут до награждения убежал на запасное поле и разрыдался. Эти слезы поражения стали первыми и единственными в его спортивной карьере. «Тогда, в Волгограде, - объяснял Санеев, - я понял, что занятия спортом не легкая прогулка по стадиону, а борьба сильных людей, волевых и терпеливых. Словом, именно тогда, летом 1963 года, я стал настоящим спортсменом».

Осенью 1964 года Санеев стал мастером спорта СССР, а потом спортсмена настиг извечный рок «тройников» - травмы стоп. После первой серьезной травмы нога болела почти год. Керселян тренироваться запретил, и Санеев приходил на стадион украдкой. Конечно, в один прекрасный день Акоп Самвелович застал его за тренировкой. Разгневался страшно. А потом приказал собираться. С рюкзаками и ружьями тренер и

▼ С сыном Сандро

▲ С тренером Акопом Керселяном

ученик отправились в горы. Построили шалаш. Ходили на охоту, жарили шашлык, варили мамалыгу. Когда через две недели вернулись в Сухуми, Виктор был совершенно здоров.

К тому времени по личной рекомендации мудрого Керселяна, понимавшего, что он не всегда может быть рядом с Виктором, у Санеева появился еще один тренер – Витольд Креер. Познакомившись со спортсменом, Креер внес его в список кандидатов на участие в Олимпийских играх в Мехико. Хотя именно тогда Санеев залечивал очередную травму, и ни один врач не давал гарантий на возвращение в спорт, Креер не побоялся официально заявить: «Виктор Санеев – это прыгун номер один. Если удастся залечить травму, он станет реальным кандидатом на победу в Олимпийских играх». Весной 1967 года Санеев заново пришел в большой спорт. После победы на Кубке Европы с результатом 16,67 м мечта об участии в Олимпиаде в Мехико стала реальностью.

И тут произошла история, про которую Зинаида Санеева говорит, что такого не может быть, но это было. Перед отъездом в Мехико Виктор спросил у сестры: «Что скажешь, как все пройдет?» Зина уверенно ответила: «Будет победа, и ты прыгнешь за 17 метров» (Санеев тогда рубеж 17 метров еще не взял, а мировой рекорд был 17,03). В ответ Виктор усмехнулся и уточнил: «А «копейки»? (т.е. – сколько сантиметров). «17,23», - так же уверенно сказала Зина. «Почему 23?» «Не знаю. Ну, потому что тебе исполняется 23 года». Поразительно, но все так и произошло – с точностью до сантиметра. Об удивительном случае даже писал журнал «Огонек».

О состязаниях в олимпийском Мехико-68, уже давно вошедших в легенду, сказано и написано многое – это не имеющий прецедентов случай в истории легкой атлетики, когда по ходу одного финала мировой рекорд был побит пять раз. Но самые волнующие воспоминания – это те, что из первых уст. Вот как об этом рассказывал сам Санеев: «Джузеппе Джентиле уже в квалификации побил мировой рекорд – 17,10. Что же будет дальше? Мы играли с Керселяном в шахматы, а Креер все ходил рядом и твердил, что Джузеппе пере-

горит и волноваться совсем не стоит. Я не волновался. Я подозревал, что Джузеппе вряд ли перегорит. А если и перегорит, то останутся другие. И они будут прыгать, как черти. И это – только начало... Несмотря на состояние – весь из нервов, - голова достаточно трезвая. Понимаю, что это Олимпиада, что мне сейчас прыгать, а крик стоит, как на бое быков. Думаю: и что вы так кричите? Смотрю, как прыгает итальянец, наш вчерашний рекордсмен. 17,22 – снова мировой рекорд! За ним бразилец Пруденсио – 17,05. Моя третья попытка. Разбегаюсь. Прыгаю. 17,23. Новый мировой рекорд. Стадион ревет. А я жду, что будет дальше? Кто же первый остановится? Пруденсио выходит на старт, долго собирается. Внешне он спокоен. Начинает разбег – 17,27. Мировой рекорд побит! И тут что-то происходит. Итальянец Джентиле сразу мрачнеет, уходит в себя. Американец Уокер, способнейший парень, никак не может собраться. Проваливает попытку за попыткой. Кто-то нервничает, кто-то от волнения не так ставит ногу, кто-то сникает – 17,27 не перепрыгнуть! У меня последняя попытка. И результат Пруденсио – 17,27. Это много, слишком много. Но все равно надо прыгнуть дальше. У меня странное состояние. Кругом кричат, а у меня внутри тихо. И только в голове холодно стучит: ноги, как струна! Лишь бы не опустить ноги. Я побежал... Уже выходя из ямы, по крику зрителей понял, что результат улучшен. Но насколько? 17,39. (Причем Санеев, опасаясь заступа, nedоступил до планки отталкивания около 20 сантиметров – Н.З.) Все было, как во сне. Кричали, хлопали по спине, поздравляли, целовались... А я молчал. Губы пересохли, потрескались. Что победил – знал, но смысл этого как-то не доходил... Через два дня дошло – я олимпийский чемпион. Нас хотели везти на Кубу, устроить отдых. А я уже ничего не желал. Хотел только домой. Улетел в Москву. И первый раз понял, что такое слава. Журналисты, фотокорреспонденты, тренеры и просто какие-то люди ходили, звонили, что-то спрашивали, что-то просили. Приемы, встречи, интервью. Потом все это повторилось в Сухуми. И в один прекрасный миг я понял: все, хватит. Через месяц все успокоится. Тебя, твою победу начнут забывать. Что останется? Мехико – это прекрасно, но это уже в прошлом. Надо что-то делать дальше. Начинается будничная жизнь. И на следующий день я вышел на обычную утреннюю пробежку».

И так было всегда – Санеев тренировался и первого января, и в день рождения каждый год. И даже в день свадьбы.

Наверное, мы можем считать естественным и закономерным, что серьезный спортсмен тренируется ежедневно и в любых условиях. Но давайте представим, сколько порой требуется силы воли, чтобы выходить на тренировку в сезон сухумских ливней или в жару, когда раскаленный воздух разрывает легкие?

«Человек-катапульта», «сухумский кенгуру» - так после олимпийского триумфа прозвали Санеева журналисты. На призовые Виктор купил белую «Волгу» ГАЗ-21, и тбилисские гаишники выдали ему особые номера: 17-39 – в честь рекорда.

«У Виктора когда-нибудь была «звездная болезнь»? - спрашиваю у Зинаиды. «Он вообще очень простой и скромный», - отвечает она. - Виктор прекрасно понимал, что сегодня слава и успех есть, а завтра могут и не быть. Уже в молодые годы он осознал то, чего многие не понимают и в зрелости».

Потом последовали победы на чемпионатах мира и Европы, Олимпийских играх в Мюнхене-72, Монре-

але-76... Период с 1968 по 1972 год Санеев называет самым счастливым – он выиграл более 90 турниров и установил три мировых рекорда. А в 1971 году новый мировой рекорд установил кубинец Педро Дуэнас, прыгнувший на 17,40. Это был вызов.

14 октября 1972 года Сухуми гулял на свадьбе Виктора Санеева и студентки Тбилисского медицинского института Татьяны Хварцкия. Через три дня на «Кубке Санеева», который ежегодно, начиная с 1969 года, проводился в Сухуми 17 октября, в годовщину победы на Играх в Мехико, Санеев вернул СССР мировой рекорд – 17,44! Кстати, новобрачная предлагала Виктору отказаться, в виде исключения, от участия в турнире, но Санеев решил подарить жене мировой рекорд. И подарил.

А вторая половина 1970-х складывалась для Санеева тяжело, даже трагически. Он получил новую травму – серьезно повредил связки ахиллова сухожилия. Через полтора месяца после операции он вышел на тренировки, и – снова травмы...

Незадолго до VII летней Спартакиады народов СССР Санеев выступал за рубежом. Вернувшись в Тбилиси, как обычно, первым делом позвонил маме в Сухуми. Дозвониться не смог, телефон не отвечал. Виктором овладело непонятное ему самому беспокойство. На следующий день он разволновался так, что заболело сердце. Не выдержав, поделился тревогой с женой – наверное,

▲ С сестрами Зинаидой и Юлией

что-то случилось с мамой. Снова и снова набирал сухумский номер. Тщетно. И вдруг поздним вечером звонок. Виктор услышал голос тестя и тут же спросил: «Что случилось? Что с мамой? Умерла?» - «Откуда ты знаешь?» - «Знаю. Сердце подсказало»... Выронил трубку, и дальше уже ничего не помнил. Вот вам и железные нервы Санеева...

Последней Олимпиадой Виктора Санеева стала Московская. «Я нес по стадиону в Лужниках олимпийский факел, - рассказывал он. - Помню волнение выдающегося баскетболиста Сергея Белова. Когда я передавал ему факел, Сережа с такой силой ухватился вместо жезла за мою кисть и, не отпуская ее, побежал по ступенькам к чаше стадиона, что я с трудом вырвал руку и еле удержался на ногах».

В 1980-м мало кто верил в успех Санеева – он ветеран, ему скоро 35, недавно перенес очередную операцию, только-только сняты швы. К тому же он так и не оправился после ухода из жизни мамы.

«О чем ты думал, стоя в секторе перед последним прыжком?» - спросил его знакомый журналист. «О маме, - ответил Виктор. - Для меня это самый дорогой человек. Выходя в сектор, я думал о ней, и эти мысли меня наполняли силой».

Санеев стал обладателем своей четвертой олимпийской медали – серебряной. Но, говоря откровенно, профессионалы все равно считают его четырехкратным олимпийским чемпионом. В Москве Санеев прыгал при сильном встречном ветре. Не будь ветра, результат мог быть иным. На пресс-конференции бронзовый призер Олимпиады Жоао Оливейра сказал: «Поздравляя Яака Уудмяэ с золотой медалью, я хочу отметить, что абсолютным чемпионом среди прыгунов считаю Виктора Санеева». «А как относится к этому заявлению олимпийский чемпион?» - спросил кто-то из журналистов у Уудмяэ. «Я согласен с Оливейрой, - ответил Яак. - То, что сделал Санеев, никто из нас повторить не сможет».

До развала Советского Союза Виктор Санеев жил и работал в Тбилиси в обществе «Динамо», хотя окончил не только Институт физкультуры, но и Институт субтропических культур в Сухуми. А когда Грузия обрела независимость, русский Санеев вдруг оказался не нужен. И тут уже выбирать не приходилось. В начале 1990-х вместе с женой и сыном он уехал в Австралию. Работал учителем физкультуры в частном колледже. Были и тяжелые времена – великому спортсмену даже пришлось развезти пиццу. Когда он обратился за помощью к президенту Международной федерации легкой атлетики Примо Непиоло, итальянец воскликнул: «Боже, за ту славу, что ты, Виктор, принес своей стране, тебе должны миллионы долларов!»

А в какой-то момент стало так туго, что он дал объявление о продаже олимпийских наград. Но, слава богу, обошлось – Санеева пригласили тренером по прыжкам в длину и тройному в Институт спорта в Сиднее. «Легкая атлетика не пользуется в Австралии большой популярностью, - признавался Санеев. - Здесь все помешаны на плавании, регби и теннисе. Нелегко было сколотить группу ребят, увлечь их прыжками. Но двух призеров чемпионата страны мне подготовить все же удалось».

Говоря откровенно, он думал, что ни в Россию, ни в Грузию больше не вернется. В Сухуми его дом заняли другие люди, а дом матери разграбили и разгромили...

И все-таки Санеев приехал на родину. В 2005 году Грузия чествовала легендарного соотечественника – по приглашению президента Олимпийского комитета Грузии Бадри Патаркацишвили свое 60-летие Виктор Санеев отметил в Тбилиси. Чествовать коллегу и друга прилетели Сергей Бубка, Валерий Борзов, Яак Уудмяэ... Патаркацишвили передал юбиляру чек на 50 тысяч долларов. Санееву было присвоено звание Почетного гражданина Тбилиси. Президент Грузии Михаил Саакашвили, встретившись с олимпийским чемпионом, признался, что с детства мечтал быть похожим на него. Было даже анонсировано сооружение памятника спортсмену.

Но реальных предложений не было, и потому Санеев, конечно, пока не рискует срываться с насиженного места в Австралии ради туманных перспектив, пусть даже и на родине, ностальгическая тяга к которой так и не прошла...

Воздали должное ему и на Олимпиаде 2012 года. 361 станция Лондонского метрополитена к Олимпийским играм была названа именами великих спортсменов мира. Одна из станций получила имя Виктора Санеева – трехкратного олимпийского чемпиона, лучшего легкоатлета мира 1970-1980 годов, лучшего спортсмена Грузии XX века. Его имя также присвоено линии метро, которая ведет к главным аренам легкой атлетики Лондона.

И все-таки, в чем секрет Санеева? Зинаида отвечает на мой вопрос так: «Он всегда жил в строжайшем режиме. В спорте – огромный, колоссальный трудяга. И потом, у него были талант от бога и одна цель – победить».

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

▲ Тенгиз Джаиани

ОН ИЗ ДЖАЗА

Самым спорным произведением XX века считается композиция «4'33"» американского композитора Джона Кейджа. Во время ее «исполнения» не издается ни одного музыкального звука. И в период четырех минут тридцати трех секунд тишины воспринимаются звуки извне.

«Тишина каждый раз разная. В каждой комнате своя, на открытом воздухе своя – и всегда особая... Тишина не может быть глухой». Прочла эти строчки академика Дмитрия Лихачева и задумалась: и в каждом из нас заключена тишина. Что есть музыка? Слияние звука и тишины, организованные особым образом во времени. Не каждый умеет тишину слушать и слышать. И тот, кому это подвластно, становится властелином тишины и в его руках Музыка.

Одним из них является грузинский композитор Тенгиз (Беба) Джаиани, в этом году отмечающий свой 75-летний юбилей.

В интервью журналу «Русский клуб» Тенгиз Джаиани сказал, что «Тбилиси просто не узнать. И дело не в изменившемся внешнем облике – трансформировалась его внутренняя сущность, душа города...» Сам Джаиани, истинный тбилисец, где бы ни находился, всегда стремится в родной город, где его любят и ждут.

Не всегда складывается так, что начальное музыкальное образование приводит к нерасторжимому союзу с музыкальным инструментом. Но путь мальчика из музыкальной семьи был предопределен с детства. С Тенгизом Джаиани, выросшем в районе Мтацминда на улице Грибоедова под звуки, вырывающиеся из стен консерватории, не могло быть иначе. Окончив дирижерско-хоровое отделение музыкального училища, он поступает сперва на оркестровое, а потом теоретико-композиторское отделение Тбилисской государственной консерватории имени В.Сарадживили. И вот наступает знаковый для него 1959 год. Так сложилось, что Гия Канчели, друг Константина Певзнера, обожающий джаз, в период формирования оркестра «Рэро» порекомендовал молодого талантливого пианиста Джаиани. С этого момента все и началось. Легендарному ансамблю под руководством Константина Певзнера Джаиани отдал восемнадцать лет. Для многих жителей бывшего СССР роман с джазом начинался с фильма «Серенада солнечной долины», где звучит музыка Гленна Миллера. В Грузии любовь к джазу подогревалась творчеством уникального коллектива «Рэро».

Как рассказывает близкий друг Тенгиза Джаиани «рэровец» Гия Чиракадзе, ансамбль объездил вдоль и поперек весь Советский Союз, не раз бывал за границей. Именно в зарубежных поездках складывалась и крепла их дружба. Одними из самых запоминающихся стали парижские гастроли. Здесь, в концертном зале «Олимпия», артистов «Рэро» приняли на ура. В свободное время они бежали в музей, а в ночные часы гуляли по улицам Парижа, потому что было жаль терять время на сон.

«Когда мы ездили по городам бывшего СССР, бывало, что вместе с нами в одной гостинице оказывался какой-нибудь гастролировавший театр или цирковая

▲ Как быстро летят годы!

труппа. И вечером устраивались богемные вечера, импровизационные капустники. И заводилой, душой общества актеров, литераторов, цирковых артистов всегда был Беба. Если не было рояля, то он играл на гитаре. Мы дружили с Марией Мироновой и Александром Менакером, Муслимом Магомаевым, Евгенией Мирошниченко (прима Киевского оперного театра), Игорем Кио, с современниками и драматическим театром Станиславского, Владимиром Корневым и многими другими.

Очень важно, как люди держатся друг за друга. Мы с Бебой выросли на джазе. У нас общность интересов вплоть до гастрономических. Часто ходим на хаши (смеется). И то, что мы живем в одном доме тоже не случайно, наши дети выросли вместе. Я бы хотел выразить благодарность Господу Богу и судьбе, что у меня такой друг – надежный, теплый, интеллигентный».

В 1977 году Тенгиза Джаиани пригласили на должность художественного руководителя Тбилисского эстрадного оркестра радио и телевидения. Но через некоторое время по состоянию здоровья он вынужден уйти с телевидения в театр имени А.С. Грибоедова, где становится руководителем музыкальной частью.

Со спектакля режиссера Лейлы Джаши «Город без любви» началась дружба Джаиани и Заура Квижинадзе. В постановке звучат песни на стихи Квижинадзе и музыку Джаиани. Следующими совместными работами стали театральные постановки «Золушка», «Белоснежка и семь гномов», «Ключ» и другие. Сегодня на сцене Грибоедовского театра идет музыкальное представление «Чиполлино» с полюбившимися хитами для Синьора Помидора, Чиполлино и его друзей.

В 2004 году к юбилею А.С. Пушкина Грибоедовский театр при поддержке МКПС «Русский клуб» осуще-

ствил постановку драматургов Инги Гаручава и Петра Хотяновского красочного, со спецэффектами музыкального спектакля «Превращения в Лукоморье». Оригинальная музыка к спектаклю никого не оставила равнодушным. И для всех нас было большой радостью, когда на международном фестивале детских спектаклей Тенгиз Джаиани получил первый приз за музыкальное оформление постановки «Превращения в Лукоморье».

У «Русского клуба» есть счастливая возможность устраивать для тбилисской публики музыкальные вечера с участием таких звезд из «Рэро» как Ирма Сохадзе, Гия Чиракадзе, Тенгиз Джаиани.

Вспоминает Ирма Сохадзе, в восемь лет ставшая солисткой ансамбля: «Есть люди, которые сами того не ведая, оставляют неизгладимый след в наших сердцах, а если они нам встретились в детстве, то даже могут повлиять на нашу дальнейшую судьбу.

Помню, когда пела – всегда старалась петь так, чтоб это понравилось нескольким людям – дяде Котику (Певзнеру), дяде Гие (Чиракадзе) и дяде Бебе. И когда они меня хвалили, я испытывала особую радость и даже гордость. Тенгиз Джаиани – совершенно особенный человек. Я очень рада, что став взрослой, вновь встретилась с ним уже в театре, наши профессиональные отношения стали еще более тесными. Мне очень приятно советоваться с ним, когда работаю над проектами и исполняю его чудесные песни».

Все кто знает Тенгиза Джаиани, согласятся, что не передать словами его юмор, обаяние, такт в общении с близкими и малознакомыми людьми, его способность в считанные минуты создать атмосферу доброты. Это человек-праздник.

Алена ДЕНЯГА

▲ Олег Мчедlishvili

Олег Мчедlishvili впервые появился на сцене Грибоедовского театра несколько лет назад – в спектакле «Достоевский.ru» и сразу привлек внимание зрелым профессионализмом, точностью попадания в образ, органичностью, естественностью актерской игры – тем, что обычно называют правдой чувств. Его Ванька Шишков со своей походкой вразвалочку, недоверчивым, настороженным взглядом и вызывающими интонациями голоса – натура ранимая, сотканная из противоречий, страдающая от собственных комплексов и несостоятельности... У него «своя» гордость, «свое» представление о чести и справедливости, что в итоге и приводит Шишкова к трагедии.

«ЧЕЛОВЕКОВЕД» ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

- К тому времени, как Авто Варсимашвили взял меня в театр имени Грибоедова, я уже давно осознавал, что созрел для серьезного репертуара, - рассказывает Олег. - Во мне что-то подспудно варилось, зрело, я много думал, наблюдал за тем, как играют другие. Достоевский – мой любимый автор, которого я часто, с какой-то параноидальностью, перечитываю. В нем есть потрясающе глубокое знание, ощущение человеческой природы, не имеющей пределов... И ее можно бесконечно открывать. Человек – огромная вселенная, которую невозможно до конца познать и описать, тем и интересен... Шишков был моей первой ролью в театре Грибоедова, и уже такая махина! Я всегда придумываю внутреннюю историю персонажа. Когда мой герой выходит от Акулины после первой брачной ночи и объявляет, что она невинна, зрителям не совсем понятно, что все-таки между ними произошло на самом деле. Мне очень важна мотивация моего героя. Нужно представить, что же такое произошло с Шишковым, что стало его ломать и в итоге привело к убийству... Дело не только в Фильке, но и в Акулине: она не лю-

бит его. По мнению Шишкова, она его предала. Предательство именно в ее нелюбви – Акулина относилась к нему... никак, равнодушно. Что бы он ни сделал. Когда Ванька выходит к людям и разыгрывает спектакль о невинности новобрачной, я каждый раз немного по-другому мотивирую его поведение. Мне не интересно играть просто несчастного парня.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

К роли Шишкова, как и к другим ролям, к обретенному своему «я» в актерской профессии, Олег шел долгие годы. Его юность пришлось на самые тяжелые годы безвременья, когда непросто было сориентироваться в быстро меняющемся мире. «Кто я, что я?» - вновь и вновь спрашивал себя Олег.

- Я и сейчас периодически терзаюсь сомнениями, актер ли я вообще, - признается Олег. - Когда смотришь на старых мастеров, волей-неволей задаешься этим вопросом. Мои ровесники поступали в Театральный институт в смутное время, когда многие уезжали из страны. Помню, что зачислено на курс было десять человек, а к сентябрю нас осталось трое, так что пришлось добирать ребят из тех, кто не прошли в самом начале. Так что фактически конкурса не было, и я не могу говорить о том, что меня выбрали из сотен конкурентов.

Как это нередко бывает, поначалу Олег Мчедlishvili даже не помышлял о театре и учился в ГПИ. Мечта об актерской карьере казалась ему столь же несбыточной, как и грезы о полете в космос. Хотя интерес к сцене родился еще в школе. Большую роль в этом сыграл ведущий актер театра имени А.С. Грибоедова Борис Казинец, руководивший в школе драматической студией. Олег часто пропускал уроки, зато исправно посещал кружок. Подспудно, может быть, тогда не вполне осознанно, в нем зрело желание быть актером.

- Борис Михайлович ставил у нас «Хирургию» и «Хамелеона» Чехова, в которых я играл доктора и городского. Но вот ко дню премьеры я, как назло, заболел ветрянкой и премьеру сыграл мой одноклассник. Тем не менее Борис Михайлович отмечал, что у меня есть данные для актерской профессии и что мне нужно непременно поступать в театральный. Помню, как пришел домой и сказал об этом деду, на что он отреагировал вполне определенно: «Театральный? Голодранцем хочешь быть?» Я тогда подумал: «Нет, голодранцем быть не хочу!» И поступил в ГПИ – на специальность «автоматика и телемеханика на железнодорожном транспорте»... Учились мы «чему-нибудь и как-нибудь». Была только одна мысль: всеми правдами и неправдами сдать сессию.

Однажды во время утренней пробежки в компании с другом Олега Мчедлишвили пригласили сниматься в фильме. Дебют в кино так и не состоялся, но молодой человек вдруг вновь загорелся желанием стать актером. Собрался было встретиться с Борисом Казинцом, однако к тому времени актер уже эмигрировал в США. Олега приняли в студию при ТЮЗе. В том же году был прием в театральный... Олег Мчедлишвили еще учился на пятом курсе политехнического. Чудом ему удалось вынести из института аттестат зрелости, чтобы получить возможность сдавать экзамены в театральный вуз.

БРАЧНУЮ НОЧЬ ПРИШЛОСЬ ОТЛОЖИТЬ

- В театральный я попал без всяких проблем, но и ГПИ окончить удалось... А дальше был ТЮЗ. В первое время пришлось нелегко. Я не совсем понимал, куда попал и что должен делать. Пытался что-то играть в массовке и удивлялся, что никто этого не замечает. Нас же учили, что нет маленьких ролей, а есть маленькие актеры... В тот период я учился у всех. В институте мне много дал наш руководитель курса, актер и режиссер Игорь Пилиев – он учил нас делать этюды, готовить куски. Только тогда, учась уже на третьем

▼ Сцены из спектаклей с участием Олега Мчедлишвили

курсе театрального вуза, я начал понимать, что такое драматургия. Помню, как тщательно готовил этюд о человеке, переживающем похмельный синдром... После этого избавился от зажима, от ощущения, что не понимаю, что делаю. Меня ввели в ряд спектаклей ТЮЗа вместо уехавших актеров. Давид Сакварелидзе поставил «Брак по конкурсу» Гольдони, и меня за восемь дней ввели на роль трактирщика Филиппо. Пришлось помучиться, но в итоге у меня все получилось, к тому же меня поднатаскали более опытные коллеги Сережа Лютров и Вика Куль. Лютров учил меня владению телом, прививал вкус, благодаря ему я стал больше разбираться и в изобразительном искусстве. Связь с высоким, вечным нужно чувствовать всегда... Я учился у актеров старшего поколения. Многим обязан Гие Кития, Нике Джандиери... После Гольдони пошли «Комбле», «Бременские музыканты», «Собачий вальс». Это был период юношеского максимализма, когда казалось, что я все могу. Хотя, на самом деле, это было совсем не так. Мы отрывались на наших замечательных «Рождественских сказках». Талантливые Сережа Лютров, Максим Обрезков участвовали в их создании. Мы не спали неделями, оставались в театре! Помню, как расписался с моей женой Маной (она специалист немецкого языка, но работает в театре) и... отправился в театр, где полным ходом шла подготовка к новогодней елке. Так что первую брачную ночь пришлось отложить... В разговорах за столом с друзьями-товарищами в голову приходили разные, самые неожиданные идеи – к примеру, очень хотелось поставить «Три мушкетера». А главное – было огромное желание работать, работать!

ПЕРЕЛОМ

Однажды режиссер Гурам Вашакидзе поставил в ТЮЗе спектакль по пьесе Радзинского «Старая актриса на роль жены Достоевского». Вначале репетировали другие артисты, но вскоре – это было в 2009 году –

▲ На концерте бардовской песни

возникла идея занять в спектакле Олега Мчедлишвили, уже зарекомендовавшего себя в качестве многообещающего актера. И он блестяще справился!

- Это была первая настоящая, серьезная роль! Пришлось, конечно, помучиться, много спорить, но в итоге спектакль получился. На него пришла актриса Ирина Владимировна Квицинадзе - мой педагог по речи на курсе Игоря Пилиева, и я попросил ее пригласить на мой спектакль Авто Варсимашвили. Он не смог прийти - и к нему отправился я сам! Как только Авто увидел меня, сразу сказал, что готов взять меня в театр. Наверное, видел меня в спектаклях ТЮЗа. Так что я даже ничего не успел у него попросить. И буквально через месяц раздался звонок - начинались репетиции спектакля «Достоевский.гу».

«ЧЕРТ ПАРШИВЫЙ!..»

Образ Кочкарева, которого сыграл Олег, в спектакле Авто Варсимашвили решен неожиданно - в мистических тонах. Это «дитя Луны» появляется на сцене при словах «черт паршивый!», произнесенных свахой Феклой Ивановой. Говорят же, не поминай нечистого всуе - а то лукавый появится! И потом, в следующей сцене, сваха буквально убегает от Кочкарева с воплями «черт, черт!» Прикрывая лицо руками в белых перчатках и глядя сквозь пальцы на Феклу Иванову, он, конечно, просто валяет дурака, но в этом розыгрыше есть что-то пугающее. Поведение Кочкарева сбивает с толку даже его приятеля Подколесина. Неистово вращая зеркало-дверь, закрепленную на оси, герой Олега Мчедлишвили слишком увлекается этой странной, бесовской игрой... Его прыжки и глумливый смех приводят Подколесина в

смятение. «Пошутил!» - успокаивает друга заигравшийся Кочкарев. «Напугал!» - говорит не на шутку взволнованный Подколесин... Однако позднее происходит разоблачение «мелкого беса»: возомнивший себя всесильным, способным вершить людские судьбы Кочкарев - Мчедлишвили неожиданно терпит фиаско. Подколесин выходит из-под его контроля и уносит ноги.

- Кому-то не нравится «мефистофельство» моего Кочкарева. Зачем, мол, это? А мне мой герой чем-то импонирует. Не чертовщиной, конечно, а авантюризмом... И потом, он ведь отчасти прав, когда разгоняет незадачливых женихов Агафьи Тихоновны. В нашем решении Кочкарев, конечно, подлец. Но ведь и у подлеца есть своя правда. Думаю, Кочкарев выплывет, обязательно выплывет, потому что это - стихия! Наверняка в очередной раз что-то затеет и опять проиграет.

В ПОИСКЕ ИДЕАЛА

В спектакле «Каменный гость» Олег Мчедлишвили сыграл Дон Гуана... И вновь - натура сложная, неоднозначная, даже загадочная.

- Мне в процессе работы важно было найти причину внутренней ломки героя и момент, когда это в нем происходит. Почему Гуан спрашивает Лауру: «А сколько раз ты изменяла мне в моем отсутствии?» Почему это стало его волновать? Определяющие слова, на мой взгляд: «Но с той поры, как вас увидел я, мне кажется, я весь переродился. Вас люблю, люблю я добродетель!» По-моему, Дон Гуан начал ломаться еще в Андалузии. Что-то стало его угнетать, его перестала удовлетворять прежняя жизнь. Он теряет жизнелюбие, азарт, задумывается о вечном. Мне интересен этот человеческий слом - точнее, внутренний процесс ломки. Это может получиться или не получится, но мне интересно про это играть. В Дон Гуане важен поиск недостижимого идеала, а не страдание, не ревность. Он стал глубже, человечнее. В силу возраста, может быть. А когда ты становишься глубже, то уже не можешь жить так, как прежде. Это христианская история, когда происходит переоценка ценностей. У одних - перед смертью, у других - раньше. В жизни любого человека наступает момент, когда он что-то кардинально меняет в ней. Когда он уже не то, что не хочет - не может жить по-старому. На этих моментах стоит вся мировая драматургия. «Гамлет», например. У всех образов мировой литературы один общий корень. Мне интересны человеческие архетипы.

В спектакле «Холстомер. История лошади» я стал одним из трех актеров, сыгравших заглавную роль... Авто Варсимашвили поставил передо мной задачу: «Ты сила, ты мощь, ты бунт!» Мне еще было важно показать в своем Холстомере безмерность любви к князю Серпуховскому, его готовность отдать за хозяина жизнь. А потом, в самом конце, у него появляется отрезвление. Холстомер понял, что слезы имеют приятно соленый вкус. Ему открылась горькая правда о жизни. В этом кусочке роли - тоже слом. Мерин вдруг заговорил, как поживший человек... Я хотел выразить боль по-другому! Ведь если бы мы зациклились на гениальном спектакле Георгия Товстоногова, у нас ничего бы не вышло - только пародия. Решение Авто Варсимашвили было неожиданным и интересным... Что касается Толстого, то я не очень люблю его поздние вещи, где появляется назидательность, - «Крейцерову сонату», например. Мне ближе его более ранние произведения - «Севастопольские рассказы», «Война и мир».

ПРИОРИТЕТЫ

- Роль Кулигина в спектакле «Гроза» - это для меня новая и долгожданная манера игры. Я всегда мечтал так поиграть. Когда концепция уходит на второй план, а ты играешь просто человека - без театральных приемов,

▲ Сцена из спектакля «Женитьба»

без апарте. А просто! Господь дал мне замечательную возможность сыграть Кулигина в спектакле Вахтанга Николава. Впрочем, в этой пьесе любая роль интересна, потому что решается в желаемом для всех ключе... Мне нравится, как работает Вахтанг Николава. Это именно то, что мне близко в русском театре – смотришь не только то, как играет актер, но, прежде всего, - что написал Островский. Когда уходишь после спектакля и долго еще потом думаешь о жизни, о людях, о том, что написал автор, а не о том, кто поставил спектакль, какой актер был лучше, какой – хуже. У меня такое впечатление было от фильма «Дядя Ваня» в постановке Андрея Кончаловского, где главного героя играет Иннокентий Смоктуновский. Во МХТ дядю Ваню играет тот же актер, правда, там не было этих крупных планов глаз, но все равно спектакль завораживал – не оторваться. Закончился спектакль, и что-то кольнуло в сердце. Помню, как был под впечатлением несколько дней.

- У тебя сегодня есть, слава богу, возможность играть интересные роли... Как ты представляешь свое будущее? Мечтаешь ли о славе?

- Живу сегодняшним днем. А слава – не будем лукавить! - никому не помешает. О ней все мечтают. Другое дело, что я вообще по-другому к этому отношусь, исходя из своего возраста. Какие-то вещи я уже никогда не сделаю.

- Ромео уже точно не сыграешь...

- Вот именно. Да и в плане отношения к жизни я переменялся. Моему сыну уже пятнадцать лет. Так что я уже по-другому мыслю. Не мечтаю ни о какой роли. Сделаю ту, что дадут, постараюсь, чтобы это было интересно зрителю. Главное – работать. Конечно, все стремятся расширять рамки своего творчества, не вариться в собственном соку, развиваться. Но жизнь такая штука – всегда что-то ограничивает. Это наш крест... Существует ли сегодня профессиональная критика? Очень часто вместо критики читаем просто пересказ спектакля...

- Ты пишешь стихи. В поэзии находишь то, что тебе недостает в театре?

- Однажды я просто начал рифмовать строчки. И на гитаре пел песни собственного сочинения. Это было давно!.. Но сейчас я этим уже не занимаюсь – времени не хватает. У меня и мозг стал по-другому работать. Не идет что-то... Актерская профессия поглощает меня целиком. Но все-таки я хочу записать несколько песен и выпустить их. Мне кажется, это возможно. Вопрос только во времени. Я ухожу из дому в десять часов утра и возвращаюсь

в десять часов вечера. Дома нужно и текст повторить, и что-то подучить, так что у меня ни на что другое времени не остается. И, слава богу, конечно, но выходных иногда хочется.

- Считаешь себя поэтом, бардом?

- Когда раньше писал, казалось, что это хорошо. Потом настал момент, когда понял: это хорошо, но не настолько. По ощущению. По конкурсам. Наверное, я чего-то не понимаю в сегодняшней поэзии. Ретроград ко старыми представлениями. Так, как сейчас пишут стихи, я писать не могу. Это немыслимо! А то, как я могу, моему, вчерашний день.

- Разочаровался в себе как в поэте?

- Может быть. Но ничего трагического в этом нет.

- Может, слишком критически относишься к себе?

- Я вообще ко многому в себе отношусь критически – к тому, что сыграл в том числе. Иногда до неприличия. Просто я не говорю об этом вслух. Не хочу давать кому-то повод сказать: «Да-да-да! Так оно и есть!» Все радостно подхватят мою самокритику. Вот напишу стихи и уже через пять минут чем-то не доволен. Так же и в актерской профессии.

- Но к стихам ты вернешься?

- Не знаю, вернусь ли к стихам... А вот к песням, наверное, вернусь. Есть одна песня, которой я доволен. Она без названия. «Встретил я женщину...» Она недавно написана. Благодаря этой песне я перестал петь все, что было написано до нее. Это новое дыхание во всем. И я понял: либо будет это, либо не будет ничего. Если я смогу на таком же уровне написать несколько песен, - хорошо. Не смогу – значит, не напишу больше ничего! Это же касается поэзии. Пока не напишу что-то совсем новое, не имеет смысла возвращаться к старому. Разве что в тесном кругу друзей. То же самое в театре. Прошли годы, и я уже не могу играть своего Ваню Шишкова так, как играл раньше. Все меняется. Если сегодня я буду мечтать о ролях и славе, то... Есть ведь какие-то реалии. С ними не поспоришь. Мы сами должны делать нашу жизнь интереснее. Интереснее – в каких-то ощущениях, в работе над новой ролью. А главное – чтобы не было запрета на профессию. Иначе что остается? Только спиваться. Мне еще нравится работа по озвучанию. Я почему-то становлюсь спокоен. Когда приходишь на озвучание после репетиций, после предпремьерных судорог, то спокойно делаешь свое дело, расслабляешься.

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Елена Дзамашвили

О КАИРСКИХ ДЕЛАХ И НЕ ТОЛЬКО

Мы беседуем с Еленой Дзамашвили, пианисткой, заслуженной артисткой Грузии, профессором Каирской консерватории.

- В том, что ты в начале 90-х годов стала работать в другой стране, нет ничего удивительного, так поступали многие. Но выбор Африканского континента... Как ты оказалась в Каире?

- Этим я обязана Ираклию Беридзе, скрипачу, выпускнику Московской консерватории (по классу Давида Ойстраха), который был одним из инициаторов основания Каирской консерватории и ее ректором на протяжении шести лет, оставаясь при этом профессором Тбилисской консерватории. У нас гостила пианистка Нибаль Муниб, известный деятель египетской музыкальной культуры. Она приехала по приглашению Дж.Кахидзе; ей предстояло исполнить с симфоническим оркестром Третий концерт Бетховена. Однажды она увидела меня на экране телевизора в утреннем концерте. «Именно такой концертмейстер нам нужен», - заявила она. И Ираклий Георгиевич принялся меня уговаривать. Я долго не соглашалась, но, в конце концов, дала себя уговорить. В то время в Каире уже был Тамаз Гомелаури; его профессионализм и прекрасные душевные качества украсили египетскую консерваторию.

- Как работалось поначалу?

- В первый год пришлось нелегко. Освоить язык мне помогла дочка Тамаза Гомелаури: научила считать до двадцати. Вскоре я приспособилась указывать ученикам, как будто экзаменуя их, на различные предметы, чтобы запомнить таким образом их названия. И результат не заставил себя ждать. Главное заключалось в другом. В Тбилиси я привыкла к постоянным высту-

плениям в разных жанрах, здесь же на полгода оказалась в классе, аккомпанируя скрипачам, и ни одного выступления на эстраде. Я была на грани отчаяния. Положение спасли экзамены. Новый ректор, концертирующий скрипач Хассан Шарара заинтересовался моей работой и тут же сделал своей партнершей. Ни один сольный концерт инструменталистов уже не проходил без моего участия. После второго выпускного экзамена мне предложили работу в открывшемся при оперном театре Центре развития талантов, фактически второй консерватории. Я оказалась в числе его первых педагогов и продолжаю там работать. Мои ученики стали лауреатами конкурсов не только местного значения, но и международного.

- А когда удалось пригласить детей – Алика и Инну?

- Сыну нужно было закончить консерваторию, для этого понадобились два года.

- Были проблемы с его трудоустройством?

- Пожалуй, нет. Следовало пройти конкурс с комиссией во главе с дирижером, и его зачислили в альтернативную группу оркестра – правда, не сразу на первых ролях; теперь он концертмейстер группы.

- Алик работает и в опере?

- Так было сначала. В то время в Каире действовал один оркестр – оперный, который по субботам выступал с симфонической программой. Надо сказать, что программы составлялись очень интересно. Концерты, как правило, были тематическими – например, в первом цикле все симфонии Бетховена, в следующем – Брамса или Малера, далее чередование солистов-исполнителей с концертами из классического репертуара. В таких случаях приглашались звезды из Европы или Америки. Запомнилось выступление Виктории Постниковой. Однако работать в таком режиме

было непросто: каждый день спектакль, и одновременно в недельный срок подготовка нового репертуара, поэтому после создания второго оркестра сыну пришлось оставить оперный театр.

- *А ты работала в опере с певцами?*

- Короткое время. Не смогла смириться с установившейся здесь традицией. С детства знала (мама была концертмейстером у певцов), что перед постановкой репетируются сольные номера, затем оперные ансамбли. Эту работу принимает дирижер, который делает замечания, и они исправляются перед генеральной репетицией. Здесь же уже первая репетиция («Кармен») привела меня в замешательство. В ней одновременно участвовали хор, оркестр, солисты. Я пыталась указать дирижеру на непомерную фальшь и разбитость ансамбля, но он меня уверял, что во время спектакля это будет незаметно. То же самое повторилось на репетиции «Риголетто», после чего я написала заявление об уходе.

С некоторых пор я преподаю в т.н. современной английской школе. Там у меня ученики от первого до одиннадцатого класса. Очень интересно работать в Американском университете, там встречаются удивительно способные студенты. Но главным остается консерватория, где я профессор по классу фортепиано.

- *Ты очень рано начала выступать. Помню первое твое сольное выступление, которое мне довелось услышать в 1956 году. Малый зал консерватории, симфонический концерт учащихся второго музыкального училища и среди них юная Лена Дзамашвили. К преподаванию ты с ранних лет относишься скептически, а теперь чувствуется, что отношение коренным образом изменилось. Когда это произошло?*

- Мои сольные выступления начались гораздо раньше, чуть ли не с пяти лет. Сохранилась фотография: я сижу за роялем, а ноги достают только до середины табурета. Что касается дальнейшего, я хотела только

▼ На концерте

▲ В Русском центре

играть; вероятно, передо мной был пример мамы, концертмейстера тбилисского радио, которая не желала иметь учеников. И в Каирскую консерваторию я поступила как концертмейстер, но на следующий год мне дали класс камерного ансамбля, который почему-то считался не престижным. Мне же это было очень близко. Я горячо принялась за дело, и вскоре на мои уроки повалили студенты со всех факультетов – пианисты, струнники, вокалисты; духовикам пришлось отказать – для них не хватало времени.

- *Таким образом, получилась колоссальная нагрузка?*

- И так я работаю по сегодняшний день.

- *Какие интересные встречи произошли, были ли среди них такие, которые привели к творческим союзам?*

- Первый из таких союзов – дуэт с ректором консерватории, скрипачом Хассаном Шарара. Позднее в наш ансамбль влился виолончелист, брат Хассана Ашраф. В таком составе мы участвовали во Втором международном фестивале музыки в Бахрейне, где исполнили Трио Бетховена и Трио современного арабского композитора. В Бахрейне у меня впервые сложилось впечатление о настоящей арабской стране; Каир в этом смысле не типичен. Наряду с высокой культурой организации фестиваля Бахрейн поразил нас необыкновенной чистотой и ослепительной белизной одеяний. Было 40 градусов, но почти у каждого жителя машина с кондиционером, и мы, по существу, передвигались от кондиционера к кондиционеру.

- *Где учились твои партнеры по ансамблю?*

- Хассан начинал в Каирской консерватории у Ираклия Беридзе, а продолжил в Москве в классе Галины Бариновой. Брат его – ученик Эльдара Исакадзе. Вместе с другим тбилиским профессором Александром Чиджавадзе. Эльдар представлял в Каире виолончельную школу. Оба безвременно погибли: Чиджавадзе в автокатастрофе, Исакадзе – в борьбе со страшным недугом. Мне довелось посетить также – на этот раз со своим учеником – очень сильный по составу участников конкурс в Германии, близ Штутгарта; мой воспитанник стал победителем. Это первый случай в истории музыкального образования в Каире. В разное время двое других моих учеников становились лауреатами конкурса в Риме.

- *Приходилось давать семейные концерты с Аликом и его женой, пианисткой Инной?*

- Только однажды. Несколько раз они играли вдвоем, но такие выступления не носили систематический характер. Алик большее значение придавал своему

▲ Елена Дзамашвили с педагогом Люсей Есяян

участию в составе квартета, который он основал при Русском центре. В данный момент я увлеклась другим проектом. В декабре исполняется 20 лет дипломатических отношений АРЕ и Грузии. По этому поводу посол Грузии в Египте попросил организовать концерт с музыкантами и программой сочинений композиторов двух стран, чем я сейчас и занимаюсь. В Каире достаточно музыкантов, которые получили образование в Грузии. Не сомневаюсь, что, как обычно, с успехом выступят ученики И. Беридзе. Большие надежды возлагаю на Габера. Этот прекрасный баритон успел пройти учебный курс в Каире у Давида Бадридзе, стажировался в Большом театре и даже выступал с Маквалой Касрашвили. Считаю, что его голос гармонично сольется с душевными излияниями персонажей опер Палиашвили Мурмана или Киазо, и намерена разучить с ним эти партии.

- Расскажи о тематических фестивалях, которые ты проводила.

- Последний из них был посвящен 200-летию Ференца Листа (до этого отмечалось двухсотлетие Шопена и Шумана). Он состоял из трех вечеров. В первом я исполнила небольшие по масштабу фортепианныеopusы и «Фауст-сонату». Во втором прозвучали выдающиеся камерные вокальные сочинения, начиная от «Лорелеи», в оригинальном исполнении египетской певицы Дины Искандер; аккомпанемент этих номеров я чередовала с сольными фортепианными пьесами. А потом с бывшим моим выпускником, теперь уже преподавателем консерватории, мы исполнили на двух роялях «Дон Жуана» Моцарта-Листа. Наконец, в программе третьего концерта были только транскрипции – в моем исполнении.

- Мне рассказывали, что за четыре дня до листовского фестиваля ты упала на улице и серьезно повредила правую руку, но концерты не отменила.

- Это граничило бы с катастрофой. К тому времени уже получили приглашение члены венгерского посольства, а через них представители других посольств. В кассе не оставалось билетов, и я решила рискнуть. Перелома не было, играть с трещиной было не очень трудно, боли начались потом. К счастью, осложнений не последовало.

- Как повлияла на ваше мероприятие политическая обстановка?

- Тогда, осенью, было относительно спокойно; обстановка стала накаляться с начала 2012 года. Пришлось отменить несколько концертов, в том числе мой.

- Как посещаются в Каире концерты?

- По-разному. Фестивальные концерты неизменно шли при аншлагах; известную роль при этом сыграла поддержка европейских посольств – венгерского, польского, немецкого. Такой энтузиазм публики пол-

ностью вознаграждает затраченные на организацию мероприятия усилия.

- Часто звучат в Каире произведения отечественных композиторов?

- Не редко, и я обычно оказываюсь причастной к их исполнению. Гораздо интереснее Декады арабской музыки – раньше они проводились каждый февраль, но за последние годы политические события заметно снизили их интенсивность. Авторы представляют разные страны, и в их музыке, удивительно разнообразной по жанрам и всегда хорошо исполняемой, немало привлекательного. Я любила участвовать в этих декадах.

- А как обстоит дело с исполнением в Каире русской музыки? Помню, перед отъездом из Тбилиси твоя инициатива о проведении камерных концертов из произведений Чайковского и Римского-Корсакова не была поддержана.

- Да, я устраивала концерты из произведений Чайковского, последний из них летом 2008 года, перед отъездом в Тбилиси. Я страшно волновалась: не будет ли бестактностью играть русскую музыку на фоне августовских событий в Грузии? Однако коллеги решительно разубедили меня: ведь это музыка! Так я сыграла перед каирской аудиторией «Времена года», «Думку» и Большую сонату Чайковского. Уместно вспомнить здесь о моих ежегодных поездках в Александрию, где в Русском центре порой случается давать по несколько концертов. Часто мы выезжали группами. Мы с Ираклием Беридзе и Тамазом Гомелаури исполняли Трио Рахманинова. В Александрии мне довелось исполнить трудную фортепианную сонату Рахманинова.

- Кого из педагогов ты хотела бы вспомнить?

- В первую очередь, мою первую учительницу Люсю Сергеевну Есяян, у которой я училась с пяти лет и до поступления в консерваторию. Она научила не отступать перед трудностями, любить эстраду, воспринимая выступления как большую радость. Счастьем было для меня оказаться в консерватории в классе замечательной пианистки и педагога Татьяны Иосифовны Гольдфарб, которая была одновременно преподавателем Московской консерватории. Ее неоценимым качеством было тонкое понимание индивидуальности студента, точное подбирание исполнительской программы и внимание к своим подопечным. Помню, как находясь в Москве она беспокоилась, чтобы я не упустила возможности показаться Г.Г. Нейгаузу, который собирался провести в Тбилиси мастер-класс. Случилась так, что Генрих Густавович из всех, кто записался к нему на уроки, оставил только меня с симфонической сонатой Шопена. Занятие разделилось на два дня, и я остаюсь благодарной Татьяне Иосифовне, приобщившей меня к великим урокам великого маэстро, каждый штрих которых сохранился в памяти. При всей приветливости, доброжелательности и простоте в обращении Т.Гольдфарб оставалась непоколебимой, когда дело касалось ее принципов. Ее муж Сандрик Чиджавадзе превращался в покорного ученика, когда Татьяна Иосифовна запирала его на длительное время в кабинете, принуждая работать над сольной программой. На последнем этапе студенчества я была в классе Тенгиза Амиреджиби. Здесь более всего запомнилась подготовка к Закавказскому конкурсу исполнителей.

- Каковы планы на будущее?

- Я намерена серьезно заняться концертами организованного мною пиано-квартета; кроме меня, три его участника – пианисты египетского происхождения. Приближаются сроки проведения фестиваля памяти Дж.Гершвина. На фоне обширной программы я выступлю с Камерным концертом для двух фортепиано.

Мария КИРАКОСОВА

ЗАБОТА КАЖДОГО

В Тбилиси прошла выставка детских рисунков, посвященная Дню ООН. Темой выставки стал объявленный Организацией Объединенных Наций Год доступной энергии.

Организована выставка Программой развития ООН и женской благотворительной ассоциацией «Эртоба». Более 120 рисунков разместились в гостеприимном молодежном центре духовного и интеллектуального развития грузинской патриархии. Выставка прошла под девизом – «Защита окружающей среды и энергии – забота каждого!»

Открыли выставку руководитель Программы развития ООН Софо Кемхадзе и председатель «Эртоба» Ия Кватадзе. Среди прочих добрых слов организаторы проекта выразили свою благодарность всем участникам и отметили, что ребята – настоящие защитники природы.

Как сказала в своем обращении Софо Кемхадзе, это мероприятие проводится с целью популяризации деятельности ООН.

«Для нас очень важны вопросы окружающей среды. Дети так глубоко и содержательно думают о проблемах загрязнения. Они понимают важность природного многообразия нашей планеты и сознают необходимость ее сохранить, а зачастую и спасти».

Открывая выставку, Ия Кватадзе отметила, что цель выставки – узнать о том, что думает подрастающее поколение о возрастающих проблемах защиты окружающей среды и энергии. «Для нас важно, чтобы каждый из участников проекта своим небольшим, но важным делом внес вклад в решение проблем, которые влияют на их

▼ На открытии выставки

жизнь и жизнь всей Земли».

В выставке приняли участие ученики тбилисских школ от 5 до 15 лет.

Работы ребят впечатляют. Приятно сознавать, что совсем юные граждане с такой ответственностью отнеслись к участию в конкурсе.

Вот земной шар в противогазе – наглядный пример загрязнения окружающей среды, а вот планета принимает душ, а вот и грустный клоун с большим цветком в руке. В основном же на выставке были представлены разнообразные коллажи с изображением моря, солнца, лесов. Метафоричность работ удивляет и вдохновляет.

На открытии выставки состоялась торжественная церемония награждения всех участников сертификатами. Ансамбль народной песни исполнил «Мравалжамиер», а юная талантливая поэтесса Лела Тотадзе прочитала свои не по-детски серьезные стихи о вере и верности. Завершилось мероприятие вручением всем ребятам памятных призов – альбомов для рисования и наборов фломастеров.

Мероприятие прошло в рамках Недели ООН в Грузии. Лучшие картины с выставки войдут в календарь на 2013 год.

Нино ДЖАВАХЕЛИ

▲ Дэви Бердзенишвили

«БУДУ ЖИТЬ ОЧЕНЬ ДОЛГО...»

В журналистике, в атмосфере чистых человеческих отношений и настоящей дружбы, в интеллектуальной среде Грузии – большая, невосполнимая потеря. Не стало Дэви (Давида) Бердзенишвили. Как и для всех, знавших его, для сотрудников «Русского клуба» это – огромная боль. Мы потеряли, в первую очередь, доброго друга, уникального человека. А еще – постоянного замечательного автора, прекрасного журналиста. На редакционном столе журнала осталась последняя статья Дэви, написанная для этого номера.

▼ Дэви Бердзенишвили с друзьями

Его официальная биография укладывается в несколько строк. Родился в 1956 году в Тбилиси, жил в Москве. Окончил естественный факультет Тбилисского педагогического института имени А.С. Пушкина по специальности «биология и химия». С 1983 года – сотрудник ГрузИНФОРМа, в 1990-1991 годах – собкор этого информагентства в Москве, в 2008-2009 гг. – выпускающий редактор в независимом информационном агентстве «Прайм-ньюс». Сотрудничал со многими СМИ в Грузии и за рубежом.

За этими скупыми строчками – судьба журналиста-профессионала. Его интеллекту можно было позавидовать, мало кто знает, что в конце 1970-х, в Москве, Дэви был среди первых участников знаменитой телеигры «Что? Где? Когда?» Он мог писать материалы любого жанра – от оперативной информации до философского эссе. Вообще, все, к чему прикасалось перо Дэви, получалось талантливо. Он написал небольшую книжку рассказов – чисто тбилисских историй, поведенных с добрым сердцем, ностальгией и тонким юмором. У этой книги не было пышной презентации – автор просто раздал тираж друзьям... А еще Дэви писал хорошие стихи. Вот несколько стихотворений. Прочитайте. В них – весь этот искренний, дружелюбный, светлый человек. А еще Дэви Бердзенишвили писал: «Я забыл: буду жить очень долго,/ Чтобы вас очень долго любить».

Сейчас, после того, как Дэви ушел от нас, кажется, что он, на самом деле, жил очень долго – столько он успел сделать доброго, так он любил людей.

Редакция журнала
«Русский клуб»

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ (1956-2012)

***

Каждому свое прожить отмерено,
Но всегда за год перед концом
Скорой смерти грустная отметина
Тенями ложится на лицо.

Я узнал в себе умение видеть и
Ту печать. А подтверждений счет,
Неизбежных, правильных, как винтики,
Только что пополнился еще.

Глупая способность – вечно маяться,
Думая об этой ерунде.
Что же меня зеркало так манит все?
Что пытаюсь в нем я разглядеть?

***

Не надо, думаю, ни пыжиться,
Ни уповать на небеса.
Ты пишешь? Так пиши, как пишется,
А лучше – вовсе не писать.

А лучше – никогда не тужиться
И глупо не стоять горой.
Тушить капусту, если тушится,
Не тушится, так есть сырой.

И никогда не ерепениться,
Не гнать судьбу, не торопить.
Пить пиво с пеной, если пенится,
Не пенится – без пены пить.

Не стоит, в общем, хорохориться,
Качать права и делать вид.
Живи, как можешь, если хочется,
Не хочется, так не живи.

***

И куда меня жизнь не заносит,
Хоть и время прошло, до сих пор
В сердце ноет застрявшей занозой
Наш тбилисский обшарпанный двор.

Он похож на кусок декораций,
Прослуживших года и года.
Ничего в нем. Но, друг мой Горацио,
Меня все-таки тянет туда,

В эту гавань, сто лет не родную,
Но оставшуюся до конца
Моей частью. И двор я ревную
К появившимся новым жильцам.

Боже мой, как нелепо мы любим!
Зла судьба? Только что же в том ей,
Что так крепко привязаны люди
Сердцем к памяти детской своей?

Двор живет, деловито кудахчет,
И ему непонятно, при чем
След на стенке, в том месте, куда я
Пацаном раз заехал мячом.

***

Очень скоро сентябрь заплачет –
Это дело такое его.
Не скажу, что все будет иначе,
Я вообще не скажу ничего,

Растекаясь похмельным елеем,
И при этом лукава чуть-чуть.
Знаю: быть я большим не умею.
Не уверен, что и научусь.

Мой удел – жить обычной заботой.
Что противиться глупой судьбе?
Буду утром ходить на работу,
Возвращаясь с работы к тебе.

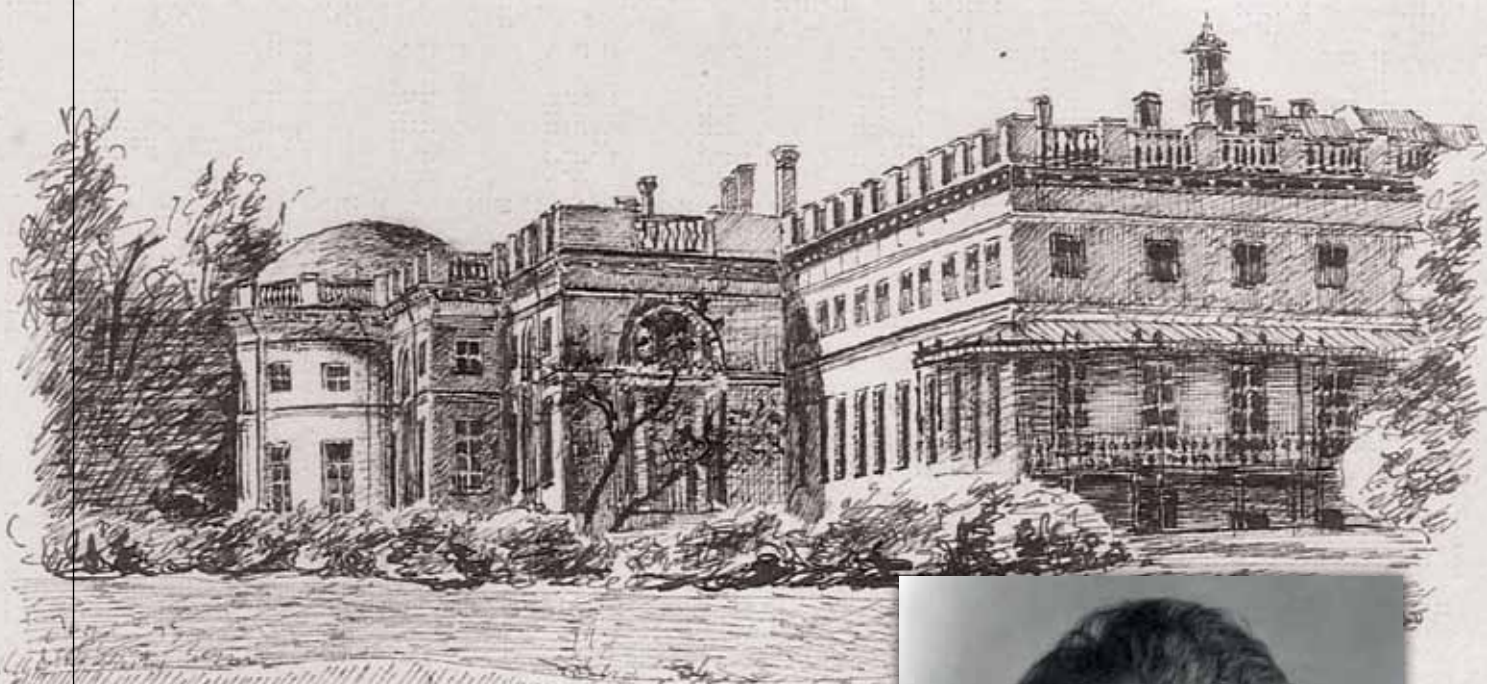
Будет эта спокойная радость
Повторяться опять и опять.
Будем вместе с мальчишкой играть мы
И на маленькой кухне болтать.

В основном только это и будет,
Но, ведя счет привычным годам,
Мы узнаем, что добрые люди
Почему-то завидуют нам.

Ну и пусть. Нам не жарко – не зябко.
Нам хватает и нашей души.
А потом этот маленький Зябка
Неожиданно станет большим.

Будет умным и твердым, как камень,
Бог спасет от сумы и тюрьмы.
Он, быть может, расстанется с нами,
Потом что – зачем ему мы?
.....

И понятно, а что ему толку? –
Стариковский налаженный быт...
Я забыл: буду жить очень долго,
Чтобы вас очень долго любить.

▲ Рисунок А.Филина из альбома «Царское Село»

ОГЛЯДЫВАЯСЬ С ЛЮБОВЬЮ ...

▲ Анатолий Филин

Так назвал книгу воспоминаний Анатолий Петрович Филин, ученый с мировым именем, человек яркой научной и творческой судьбы. Пожалуй, эти слова наиболее емко и точно отражают глубинную черту мироощущения незаурядной личности.

Я познакомилась с ним весной нынешнего года. Это было телефонное знакомство. Анатолий Петрович – 92-летний ученый, автор многих научных трудов, монографий и книг жил в университетском городке Линн, близ Бостона. Его огромным желанием было издание первого тома книги воспоминаний, посвященном тбилисскому периоду его жизни. Его дочь – моя однокурсница и близкая подруга Мария Филина попросила меня быть редактором этой книги. И судьба подарила мне встречу с замечательным человеком, интереснейшим собеседником, с которым общалась не только я, но и все члены моей семьи. Мы говорили по телефону практически ежедневно. И каждая оживленная беседа с ним радовала. Я не случайно назвала наши беседы оживленными. Его молодой и задорный голос энергично вливался в нашу тбилисскую повседневность, удивляя тем, что человек столь почтенного возраста сохранил остроту и свежесть ума, живейший интерес ко всему окружающему и, главное, невероятные по объему и масштабу энциклопедические знания. Он рассказывал мне о своих планах по изданию всех 14-ти томов воспоминаний, охватывающих годы его деятельной, насыщенной событиями и людьми жизни, и каждый раз с некоторой грустью в голосе добавлял, что очень и очень торопится, что ему надо непременно, обязательно успеть...

Увы, он не успел увидеть свою книгу. В ноябре его не стало. Мы успели оговорить название «Оглядываясь с любовью». А потом Ольга Борисовна Вайсман, опекавшая его в последние годы жизни, рассказала, что в больнице на ее вопрос «Где вы, Анатолий Петрович?» он ответил: «На земном шаре...» И мы решили добавить эти слова к названию мемуаров, которые вскоре должны выйти в свет при поддержке «Русского клуба».

А я все еще слышу его эмоциональный голос, захлебывающийся от обилия мыслей, желания поделиться всем, что наполняло его в конкретный момент.

Анатолию Петровичу удалось прожить интересную, интеллектуально насыщенную жизнь, ярко проявить себя, свои таланты и способности не только в научной сфере, но и во многих других – он великолепно рисовал, писал стихи, много переводил, блестяще знал русскую, грузинскую и мировую литературу и поэзию. Читал наизусть «Витязя...» Руставели на грузинском, удивлял знанием переводов на многие языки этого великого произведения и их научным сравнительным анализом.

Его биография – пример потрясающей работоспособности. С детских лет все было подчинено поиску и овладению знаниями. Позже – их полноценной отдаче.

Он родился в далеком сибирском городе Томске. Детство, юность и молодость провел в Тбилиси, жил

на проспекте Руставели, учился в сололакских школах, окончил Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта. Был одним из лучших учеников выдающегося ученого – академика Кириака Завриева. В 30 лет защитил докторскую диссертацию, о которой заговорили в научных кругах. С начала 1950-х годов жил в Ленинграде, возглавлял кафедры строительной механики в Институте железнодорожного транспорта и Кораблестроительном институте.

Анатолий Петрович был признанным авторитетом в сфере строительной механики, теории и практики конструкций не только на родине, но и далеко за ее пределами, был создателем школы по строительной механике, автором более 100 фундаментальных трудов, в том числе трехтомника «Механика твердого тела», тома «ЭЦВМ в строительной механике». Одним из первых ввел компьютерную технику в строительные расчеты, подготовил более 100 докторов и кандидатов наук, среди которых есть и ученые с мировым именем.

Он жил и работал во многих городах, но лишь два города безраздельно владели его сердцем – Тбилиси и Петербург. Связь с родной Грузией никогда не прерывалась.

И здесь, в Грузии, ученого всегда помнили, ценили и любили. Приглашали на консультации по самым сложным конструкциям. Анатолий Петрович участвовал в расчетах мостов и других сооружений, в том числе – уникальной арочной плотины Ингури ГЭС высотой 300 и пролетом 600 метров.

Под его руководством в Петербурге защитили диссертации многие известные грузинские ученые, часть его трудов посвящена грузинским коллегам. В своей книге воспоминаний «Очерки об ученых-механиках» Анатолий Петрович рассказал о многих своих грузинских друзьях и коллегах – Илье Векуа, Кириаке Завриеве, Михаиле Мосткове, Отаре Ониашвили, Георгии Джанелидзе, Георгии Карцивадзе, Зурабе Цилосани...

Он часто бывал в Тбилиси, и каждый его приезд был праздником. Но горьким и тяжелым был тот, когда он приехал проводить в последний путь одного из самых близких друзей – профессора Зураба Цилосани. И это было последнее посещение города детства. Когда в нынешнем году отмечали юбилей Зураба Цилосани, Анатолий Петрович продиктовал по телефону своей дочери «Слово о друге», которое прочитали на вечере памяти ученого в Академии наук Грузии.

Анатолий Петрович 18 последних лет своей жизни прожил в США. За океаном он написал книги «Очерки об ученых-механиках» и «Генеалогия Рюриковичей и примыкающая к ней информация», которые были изданы в Москве.

О «Генеалогии...» хотелось бы сказать особо. Это совершенно уникальный, пожалуй, беспрецедентный труд объемом в 1000 страниц. «Генеалогия...» представляет собой историко-математическое исследование всех генеалогических линий царского рода. Анатолий Петрович создал свою теорию и показал на практике ее интереснейшее воплощение. Теория может быть применена для любых генеалогических расчетов.

В прошлом году увидела свет его книга «Какая она – строительная механика» - удивительное по своей актуальности и современному мышлению лаконичное и в то же время емкое представление этой области науки с чертежами и рисунками автора. А ведь он ко времени написания этого труда был практически лишен зрения.

Рассказывая об этом необыкновенном человеке, я часто использую слово «удивление». Да, меня, жур-

▲ А.Филин. «Площадь Героев»

налиста с многолетней практикой, имеющей в профессиональной копилке много встреч с яркими и интересными людьми, удивляли не только его энциклопедические знания и умение их передавать, меня удивляла его невероятная, я бы сказала, чудовищная по объему память, вобравшая в себя время и события, людей, их имена, книги, стихи, дома, даже расположение улиц в городах, где он жил. Колоссальный мир существовал в нем, и многое в этом мире охватывала его любовь.

В первом томе его воспоминаний удивляет множество подробностей и деталей. И на первых порах, когда я начала читать его книгу, у меня возникли вопросы и, откровенно говоря, непонимание, зачем нужны, скажем, фамилии и имена всех его соучеников (он помнил всех!). Но он на мое недоумение ответил, что почти никого из тех, о ком он пишет, нет в живых и разве плохо, если читатели произнесут хотя бы про себя их имена...

И ничего в его книге не подверглось изменению, ничего не ушло, ни одна деталь, в ней все, что он написал. Со всеми рисунками и обозначениями, со всеми старыми, истрепанными временем и многочисленными переездами фотографиями дорогих его сердцу людей.

В своей книге А.Филин рассказывает о том Тифлисе, затем Тбилиси, который помнит, и людях, среди которых жил. Анатолий Петрович считал, что каждая жизнь достойна быть увековеченной в памяти. Следуя его мысли, можно сказать, что история – это прежде всего люди, а не процессы. И что только через людей можно понять и познать прошлое. Взгляд на историю сквозь судьбы отдельных людей позволяет увидеть многомерную и объемную картину прошедших лет. Лет той эпохи, в которой было очень много тяжелого и порой невыносимого. Все микроистории, о которых поведал в своей книге Анатолий Петрович, слагаются в живой образ времени.

Он творчески, во всей полноте, смог использовать щедро отпущенное ему природой и высшими силами время. Бертольд Регенсбургский, монах и странствующий проповедник XIII века определял удел человека пятью измерениями: персоне – служба – имущество – любовь – время. Анатолий Петрович блестяще проявил себя в четырех из них. Но не нажил себе имущества. После него остались только построенные по его расчетам мосты, дома, плотины, остались книги, рисунки. И ученики. «И незримый прочный след в чужой душе на много лет...»

Марина МАМАЦАШВИЛИ

Клара Бараташвили

СВЕТАЩАЯСЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Если бы в 1970 году нам, студентам Ленинградского инженерно-строительного института, через «магический кристалл», так точно описанный А.С. Пушкиным в его бессмертном поэтическом романе, удалось заглянуть в наше будущее! Сидящим на лекциях по высшей математике у профессора Марка Самойловича Аги или ведущим съемку местности с помощью теодолита в Старом Петергофе... Заглянуть и увидеть, что Клара Бараташвили не станет строителем, хотя профессию эту она с таким увлечением осваивала на занятиях по теоретической механике, строительным материалам или сопромату в аудиториях института, а через много лет превратилась в классного публициста и написала серию отличных статей о трагической судьбе месхов... И не только о месхах – она будет писать об истории Грузии и истории России – истории души этих двух народов.

Тогда, в ЛИСИ, наши пути пересеклись ненадолго – всего на полтора года, но когда сегодня, уже из этого «будущего», я смотрю в наше с ней общее прошлое, то вижу ее в легком и каком-то коричневом (или может быть с коричневыми узорами?) платье в большом вестибюле ЛИСИ среди других студентов. Вижу как светлое пятнышко: ведь в любой даже самой мрачной толпе почти всегда можно разглядеть человека, одетого ярче других, а в череде промозглых осенних дней обязательно найдется хотя бы один день, выделяющийся из них вдруг вспыхнувший солнцем. Таким светлым пятнышком и была Клара в нашей подчас довольно «слякотной» жизни, и еще светящаяся из прошлого через «магический кристалл» времени...

В самом деле: ее всегда можно было заметить в толпе студентов в вестибюле или на лекциях и собраниях по

почти никогда не сходящей с лица улыбке, по буквально бьющей из нее во все стороны какой-то лучистой энергии – так бывает только с влюбленными людьми. И Клара постоянно была влюблена. В кого и во что? Сразу во все! Во все то хорошее, что видела или слышала вокруг себя: в талантливых людей, литературу, город (тогда еще Ленинград), в Русский музей и Эрмитаж, в заслуженный коллектив Большого зала Филармонии... Чаше всего вне ЛИСИ наши с ней пути пересекались почему-то именно там, в Большом зале Филармонии – видимо, уже тогда Клара задумалась о какой-то другой, «гуманитарной» профессии. И позже с легкостью освоила ее, став классным публицистом и историческим очеркистом!

И тогда наши с Klarой пути вновь волшебным образом пересеклись. Вот только, к сожалению, опять ненадолго – всего на пару лет. Но если бы сейчас, отсюда, из нашего настоящего, можно было снова заглянуть в будущее, чтобы увидеть, как отзовутся ее, Клары, светлые, как она сама, работы в будущей истории Грузии, ее первой родины? И в будущей истории второй родины – России? Или первой родиной все-таки была Россия, Ленинград? Но ведь это неважно! Потому что в непростых ныне отношениях двух наших стран сверкает небольшое светлое пятнышко – Клара Бараташвили – из ЛИСИшного прошлого, как солнечный зайчик, переместившееся в наши дни и дальше – в грядущее. И теперь уже не она сама, а ее работы будут прорастать в истории наших стран.

И бесконечно жаль, что нет никакой возможности вручить ей памятный знак «Почетная петербурженка». Хотя бы посмертно.

Андрей ЗИНЧУК
Санкт-Петербург

1512-2972